

Н.А. НЕКРАСОВ

✕ ✕ ✕ ✕ ✕ ✕ ✕

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

»» ✕ «

Одесса. 1949

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МИНИСТЕРСТВА
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Р. С. Ф. С. Р.

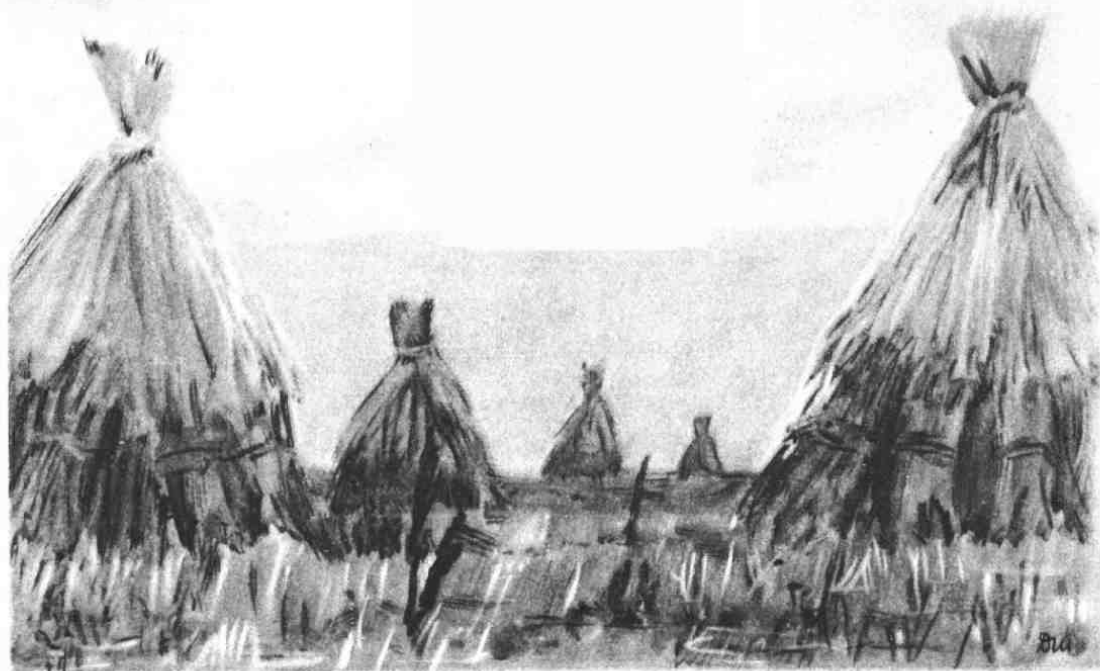
Москва-Ленинград

1949

♪.♪.♪.♪.♫.♫.♫.♫

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

*Вступительная статья,
редакция и примечания
КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО*

*Иллюстрации
Д. А. ШМАРИНОВА*

НЕКРАСОВ

I

Николай Алексеевич Некрасов родился 10 декабря 1821 года (по новому стилю) в местечке Немирове Каменец-Подольской губернии.

Его отец, Алексей Сергеевич, небогатый помещик, служил в то время в армии в чине капитана. Через три года после рождения сына он, выйдя в отставку майором, навсегда поселился в своем родовом ярославском имении Грешневе.

Грешнево находилось неподалеку от Волги, на гладкой равнине, среди бесконечных полей и лугов.

Здесь, в деревне, поэт провел все свое детство.

При усадьбе был старый, запущенный сад, обнесенный глухим забором. Мальчик проделал в заборе лазейку и в те часы, когда отца не было дома, зазывал к себе крестьянских детей. Дети врывались в сад и набрасыва-

лись на зеленые яблоки, на смородину, на одичалые груши. Но стоило няньке крикнуть: «Барин, барин идет!», как они мгновенно исчезали.

Конечно, господскому сыну не дозволялось дружить с детьми крепостных крестьян, но он пользовался всякой возможностью, чтобы убежать через тайную лазейку в деревню, уходил с ребятами в лес, купался с ними в реке Самарке, делал «грибные набег», и никакими силами нельзя было удержать его дома.

Так как дом стоял у самой дороги, а дорога была в ту пору многолюдной и бойкой — столбовая ярославско-костромская дорога, — мальчик, выбравшись тайком за ограду усадьбы, знакомился со всяким рабочим народом — главным образом с мастеровыми и ремесленниками, странствовавшими из города в город.

Через много лет, уже знаменитым поэтом, он вспоминал об этих детских своих впечатлениях:

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей...
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им все покажи.

Таким образом, богатая, меткая народная речь стала близка Некрасову с самого раннего детства. Впоследствии он не раз восхищался ее красотой и силою. Он утверждал, что иной крестьянин нередко обмолвится таким удачным, выразительным словом,

Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо.

Некрасов овладел этою великолепною народною речью с первых же лет своей жизни. Да и мог ли бы он написать «Коробейников», «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо», если бы до семнадцатилетнего возраста не прожил в такой непосредственной близости к родному народу!

Его няня была простая деревенская женщина, и впоследствии он вспоминал, с какою любовью он слушал в те годы

Рассказы нянюшки своей, —

то-есть старинные русские народные сказки, те самые, что в течение многих столетий сказывались в каждой крестьянской семье каждому крестьянскому ребенку.

Любовь к полям и лесам своей родины, к ее весеннему «зеленому шуму» тоже впервые зародилась у него в те ранние детские годы.

С младенчества на этом мне пути
Знакомо все, —

говорил он о родной ярославской природе и горячо восхищался красотой ее зеленых просторов:

Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И как серебряные блюда
На ровной скатерти лугов
Стоят озера...

Уже пожилым человеком, вернувшись из заграничной поездки, он отметил в одной из черновых своих рукописей, что природа Грешнева милее ему всех прославленных заморских краев:

Я посещал Париж, Неаполь, Ниццу,
Но я нигде так сладко не дышал,
Как в Грешневе...

И едва ли он создал бы свои бессмертные песни о русской природе, если бы не сроднился с нею в первые же годы своей жизни.

II

Его детские воспоминания связаны с Волгой, которой впоследствии он посвятил столько восторженных и неж-

ных стихов. «Благословенная река, кормилица народа!» не раз говорил он о ней.

Но здесь же, на этой «благословенной реке», ему довелось испытать первое недетское горе. Он бродил по берегу в жаркую пору и вдруг услышал какие-то стоны и вслед за тем увидел гурьбу бурлаков, которые ползли вдоль реки —

Почти пригнувшись головой
К ногам, оббитым бечевою.

Они стонали от невыносимо тяжелой работы, и эти стоны заменяли им песню. Оглушенный, испуганный, мальчик долго бежал вслед за ними и, когда они расположились на отдых, приблизился к их костру и услышал, как один из них, замученный работой, больной, сказал товарищам, что не хотел бы дожить до утра:

— А кабы умереть к утру, так было б еще лучше!

Эти простые слова взволновали Некрасова до слез:

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Вообще в этом впечатлительном мальчишке рано проявилась та «страстность к чужому страданию», которая и сделала его великим поэтом.

И сердце, обливаясь кровью,
Чужою скорбью болит... —

говорил он о себе в своих стихах.

Странным образом этот бойкий и, казалось бы, беззаботный дворянский ребенок стал уже в те ранние годы не по-детски задумываться над жестокостью окружающей жизни.

Рано он увидел то «зрелище бедствий народных», к которому были так нечувствительны многие другие дворянские дети.

Как нарочно, по той самой дороге, которая проходила мимо усадьбы Некрасовых, часто гнали в Сибирь арестантов, закованных в железные цепи. Будущий поэт на всю жизнь запомнил

Печальный звон — кандалный звон,
раздававшийся над этой «проторённой цепями» дорогой.

И еще одно горе довелось ему видеть «в золотую пору малолетства» — горе в родной семье. Его мать, Елена Андреевна, кроткая, мечтательная женщина, была очень несчастлива в замужестве. Она была передовым, образованным человеком, а муж у нее был невежественный, сварливый и грубый. Целыми днями она оставалась в усадьбе одна, так как излюбленным развлечением Алексея Сергеевича были карты, попойки и псовая охота за зайцами.

В стихах у Некрасова есть много воспоминаний о том, как тяжело страдала его мать. Часто уходила она в сад, звала к себе сына и порывисто обнимала его; а бывали такие дни, когда она целыми часами играла на рояле и плакала, и пела о своей горькой судьбе. «Она была певица с удивительным голосом», вспоминал поэт о ней впоследствии. По его словам, тот печальный напев, который слышится в иных его стихах, внушен ему песнями матери:

Играла ты и пела гимн печальный;
Ту песню, вопль души многострадальной,
Твой первенец наследовал потом.

С участием относилась она к принадлежавшим ее мужу крестьянам и нередко вступалась за них, когда он угрожал им расправой. Но попытки обуздать его ярость не всегда ей удавались. Бывали случаи, что при этих попытках он набрасывался с кулаками и на нее. Можно себе представить, как ненавидел его в такие минуты сын!

Кажется, не было другого поэта, который так часто, с такой благоговейной любовью воскрешал бы в своих стихах образ матери. Этот трагический образ увековечен Некрасовым в стихотворениях «Родина», «Мать», «Рыцарь на час», «Баюшки-баю», «Затворница», «Несчастные» и др. Задумываясь в детстве о ее горькой судьбе, он уже в те годы научился сочувствовать всем бесправным, угнетаемым женщинам, обреченным на беспросветную жизнь в условиях тогдашнего рабства.

Особенно горячее сочувствие вызывали в нем деревенские женщины:

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться.
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Даже в ребяческих делах и затеях сказывалась его сильная воля.

Однажды, поздней осенью, случилось ему подстрелить на Печельском озере дикую утку. Озеро у берегов было затянуто льдом. Собака, испугавшись холодной воды, заупрямилась. Десятилетний охотник, забыв

Некрасов утверждал, что именно под влиянием матери им написано столько стихов, протестующих против угнетения женщин («Тройка», «Страда», «Мороз, Красный нос»¹ и др.).

Но, читая все эти стихотворения Некрасова, мы чувствуем в них не только жалость к страдающим. Его деятельный, боевой темперамент был совершенно не склонен к пассивной и беспомощной жалости. Его любовь к угнетенным всегда сочеталась с ненавистью к их угнетателям.

Эту ненависть, как повествует он сам, чувствовали в нем все окружающие еще во время его малолетства:

Смеются гости над ребенком,
И чей-то голос говорит:
«Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленным волчком?
Поди сюда!» Бледнеет мать...
Волчонок смотрит — и ни шагу.
«Упрямство надо наказать —
Поди сюда!» — Волчонок тягу...
«Ату его!»...

Он не прощал обид даже родному отцу и называл его впоследствии в гневных стихах «деспотом», «губителем», «палачом».

III

обо всем, кинулся в ледяную воду, поплыл за уткой и добыл ее.

«Это стоило ему горячки, но от охоты не отвадило», писала его сестра в воспоминаниях о нем. Такой это

¹ См. примечания к стихотворениям, стр. 242, 245.

был смелый и настойчивый мальчик. Еще ребенком, услышав от няни, будто по ночам в саду гуляют черти, он в ту же ночь встал с постели и пошел в темный сад — на единоборство с чертями. Ему было страшно до обморока, но он не вернулся домой, пока не обошел все кусты и деревья:

Сосла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой или враг
Засел в кусту и закричал
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!

Настойчивость и храбрость были его главными свойствами. Обучаясь верхов-

ной езде, он то и дело падал с лошади, и был такой день, когда он упал восемнадцать раз подряд; но в конце концов добился своего: сделался хорошим наездником. С тех пор, по рассказу его сестры, он уже «не боялся никакой лошади, смело садился на клячу и на бешеного жеребца».

Добиться своего ценою любого подвига, любого труда стало для него с детства законом.

Но настоящее свое призвание нашел он не скоро.

Много пришлось ему испытать неудач и тревог, прежде чем он вышел на прямую дорогу.

IV

В 1832 году будущий поэт вместе со своим братом Андреем поступил в первый класс ярославской гимназии. Единственное воспоминание, которое осталось в его поэзии от этих гимназических лет, полностью вместились в два стиха:

Придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас.

Отец неохотно платил за его обучение, ссорился с его учителями. Учителя были плохи, невежественны и поощряли тупую зубрежку. Не выдержав экзамена при переходе из пятого класса в шестой, мальчик был оставлен второгодником (весною 1836 года). Именно в это время он пристрастился к чтению. Читал беспорядочно все, что придется, — главным образом тогдашние журналы. Большое впечатле-

ние произвела на него в ту пору революционная ода Пушкина «Вольность», а также поэма Байрона о свободолюбивом и храбром корсаре (в драматизированном изложении Олина). Там же, в гимназии, впервые обнаружилось в нем призвание сатирика: он стал писать эпиграммы на учителей, на товарищей и на своего брата Андрея.

В июле 1837 года он окончательно ушел из гимназии.

Отец решил отправить его в Петербург, в Дворянский полк — так называлась тогда военная школа, славившаяся бессмысленной и жестокой муштрой. Юноше поездка в столицу пришлась по душе, так как он уже несколько лет тайно писал стихи и мечтал напечатать их в столичных журналах.

В конце июля 1838 года шестнадцатилетний Некрасов после многодневного путешествия в ямщицкой телеге приехал в Петербург с рукописью романа, с тетрадью стихов и с несколькими рублями в кармане.

Нелегко дались ему первые шаги в литературе. Он часто голодал, не имел пристанища, спал в ночлежных приютах, целую зиму ходил без пальто. Но его влекла к себе литературная деятельность, и ради нее он обрек себя на полуголодную жизнь.

Вскоре он исполнил желание матери: поступил вольнослушателем в университет (в сентябре 1839 года).

Некоторые его стихотворения были напечатаны в разных журналах, но за них почти ничего не платили.

В 1840 году он с помощью друзей напечатал книжку своих полудетских стихов под заглавием «Мечты и звуки». Книжка не имела успеха. Она была не хуже и не лучше других книжек такого же рода, появлявшихся тогда в несметном количестве. Как и все очень молодые стихотворцы, Некрасов подражал в ней другим поэтам. «Кого, бывало, прочту, тому и подражаю», вспоминал он впоследствии об этих ранних стихах. Витиеватым и напыщенным слогом он перепевал в своей книжке то Жуковского, то Полежаева, то Бенедиктова, то какого-нибудь другого писателя, и, читая ее, невозможно было предвидеть, что из этого фразистого романтика впоследствии вырабатается величайший поэт-реалист.

Неуспех книги не обескуражил Некрасова.

Этот юноша, вышедший из праздной дворянской среды, оказался надиво неутомимым работником. В 1840 и 1841 годах он написал столько стихотворений, рассказов, сказок, фельетонов, критических заметок, рецензий, комедий, водевилей и т. д., что другому писателю хватило бы на всю жизнь. Не разгибая спины, списывал он десятки страниц своим горячим, стремительным почерком. Он был, кроме того, и журнальным корректором и учителем, а порою получал несколько медных грошей за писание прошений для приезжих крестьян.

Недаром перед смертью он сказал про эти свои полудетские годы:

«Уму непостижимо, сколько я работал! Господи, сколько я работал!»

И количество работы с каждым годом росло.

В 1843—1845 годах Некрасов печатал статьи и стихи под десятью псевдонимами: Пружинин, Бухалов, Иван Бородавкин, Афанасий Пахоменко, Стукотнин, Назар Вымочкин, Ник-Нек и др. В его лице в русскую литературу вошел один из самых замечательных тружеников.

Но так мизерно платили поэту за его колоссальный труд, что и тогда он не спасся от нужды, хотя, казалось бы, одни его пьесы, поставленные в Александринском театре, должны были давать ему изрядный доход.

Из его пьес наибольший успех имели в то время три: «Шила в мешке не утаишь», «Актер» и «Материнское благословение». Они выдержали много представлений в столичных и провинциальных театрах, но их автор

оставался таким же бедняком, как и был.

Бедствовал он долго — лет пять. Эта полуголодная молодость, «убитая под бременем труда», оказала большое влияние на все его дальнейшее творчество. Именно с этой поры он научился смотреть на явления окружающей жизни суровыми глазами труженика, который, на себе испытав, каково живется бедноте в условиях эксплуатации и рабства, навсегда возненавидел ее притеснителей. Впервые это демократическое понимание действительности сказалось в его юношеских стихах «Говорун», написанных в 1843 году:

Столица наша чудная
Богата через край,
Житье в ней нищим трудное,
Миллионерам — рай.
Здесь всюду наслаждения
Для сердца и очей,
Здесь всё, без исключения,
Возможно для людей:
При деньгах вдвое вырасти,
Чертовски разжиреть,
От голода и сырости
Без денег умереть.

В том же году — или немного позднее — в одной своей прозаической повести он написал:

«Есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и в подвалах, потому что есть счастливы, которым тесны целые дома».

В это самое время Некрасов познакомился и близко сошелся с великим русским критиком, революционным демократом Белинским, который полюбил его именно за его непримиримую злобу к угнетателям трудового народа.

Белинский стал подолгу беседовать с юным поэтом и открыл ему глаза на все злое и мерзкое, что совершалось вокруг. Некрасов понял, что ограбление трудящихся есть многовековая система, узаконенная государственным строем. Ему стало ясно, что все благополучие «сильных и сытых» основано на эксплуатации миллионов крестьян, закабаленных крепостниками-помещиками. И, памятуя тягостные впечатления детства, он под влиянием Белинского окончательно решил отдать всю свою жизнь, весь свой горячий талант на революционную борьбу с этим бесчеловечным порядком вещей.

«Ясно припоминаю, — рассказывал впоследствии Некрасов, — как мы с ним вдвоем часов до двух ночи беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном настроении, столько для меня было нового в высказанных мыслях. Моя встреча с Белинским была для меня спасением».

Белинский требовал от современных писателей правдивого, реалистического изображения русской действительности. Некрасов вполне отвечал этому требованию. Покончив с напыщенной романтикой своих первых стихов, он обратился к реальным сюжетам, под сказанным ему подлинной жизнью, — стал писать проще, без всяких прикрас, о самых обыденных вещах, и тогда в нем сразу проявился его свежий, разнообразный и глубоко правдивый талант.

«Белинский был вполне русский человек, — вспоминал о великом кри-

тике И. С. Тургенев. — Благо родины, ее величие, ее слава возбуждали в его сердце глубокие и сильные отзвухи».

Некрасов всегда говорил с умилением о пламенном патриотизме Белинского. В своей поэме «Несчастные» он, как предполагают исследователи, воспроизвел те вдохновенные речи о родине, которые слышал от Белинского:

Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вдохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней».

Некрасов вполне разделял эту веру Белинского в чудотворные силы народа, в «огромность исторических судеб его в будущем». Не раз повторял он в стихах, что русский народ — богатырь, что он грудью пробьется к желанному счастью и что революционное служе-

ние народу есть патриотический долг каждого:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно,
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Белинский первый пробудил это революционное сознание в Некрасове. Поэт до конца своей жизни остался благодарен учителю и всегда вспоминал те уроки, которые получил от него:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народа,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

«Свобода, братство и равенство» были лозунгом революции 1789 года; этими словами Некрасов попытался высказать в подцензурной печати, что Белинский учил его не только гуманности, но и революционной борьбе.

У

Другим учителем Некрасова был Гоголь. Некрасов всю жизнь преклонялся перед ним и ставил его рядом с Белинским. «Мертвые души», «Шинель», «Ревизор» были для него высшими образцами реалистического искусства. Гоголь, как и Белинский, в глазах Некрасова являлся «народным заступником», обличителем полицейско-самодержавного строя, великим вождем своей родины «на пути сознания, развития, прогресса». У Некрасо-

ва есть стихотворение о Гоголе, которое кончается такими строками:

Со всех сторон его кланут,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавида.

«Любить — ненавида» — этому и научился Некрасов у своих великих наставников.

Любить свой народ — для Некрасова, как для Гоголя и Белинского, значило

ненавидеть его притеснителей, и потому Некрасовская поэзия в те годы (начиная с 1845 года) стала поэзией обличения и гнева. Он обличил в своих стихотворениях помещиков («В дороге», «Родина», «Нравственный человек», «Псовая охота»), чиновников («Колыбельная песня», «Чиновник», «Современная ода»), богатеев-купцов («Секрет»). И тогда же, в тот же ранний период своей литературной работы, он стал с глубочайшим участием писать о поработанных крестьянах («Тройка», «Огородник» и др.).

Выступать в печати с такими идеями было тогда чрезвычайно опасно. Самые влиятельные из тогдашних писателей — Фаддей Булгарин, Сенковский и Греч, эти «поборники мрака и лжи», раболепные холопы правительства — сплотили вокруг себя, в своих журналах, альманахах, газетах, обширную группу поэтов и прозаиков, которые изо дня в день, отвлекая внимание читателей от ужасов окружавшей их жизни, восхваляли крепостнический строй как высшее воплощение государственной мудрости и всенародного счастья.

Стихи Некрасова всем этим реакционным писакам показались неслыханной дерзостью. Они набросились на его стихи с беспощадною брашною.

Цензура либо кромсала и коверкала, либо запрещала произведения Некрасова. Фаддей Булгарин то и дело писал на поэта доносы в так называемое Третье отделение (то-есть в тайную полицию Николая I), утверждая, что Некрасов — «коммунист», ко-

торый «страшно вопиет в пользу революции».

Но Некрасова не смутили ни доносы, ни ругань врагов, ни самоуправство цензуры, и он тогда же затеял одно предприятие, для осуществления которого требовалась вся его беспримерная смелость. Он задумал, в противовес реакционным журналам, подерживавшим крепостнический строй, основать демократический журнал, который, несмотря на цензуру, ратовал бы за освобождение крестьян.

В конце 1846 года, получив у своих единомышленников небольшую денежную ссуду, он взял вместе с писателем Иваном Панаевым в аренду журнал «Современник», основанный Пушкиным. Сюда перекочевал из другого журнала Белинский со всеми своими приверженцами — молодыми передовыми писателями. Таким образом, в «Современнике» сосредоточились лучшие литературные силы, объединенные ненавистью к крепостническому режиму. В ту пору, особенно после французской революции 1848 года, издание передового журнала было делом почти невозможным. Цензура стала еще более свирепой. Случалось, что больше половины рассказов, статей и романов погибало под красными чернилами цензора. Нужно было спешно добывать новые статьи, которым грозила та же участь. Только такой необыкновенный работник, как Некрасов, мог столько лет нести это бремя.

Когда «Современнику» пришлось особенно туго, поэт засел за огромный роман — «Три страны света» (1848—1849), который писал по ночам, так

как днем был занят журнальными хлопотами. Хотя этот роман был написан исключительно для того, чтоб заполнить опустошенный цензурой журнал, Некрасову и здесь удалось — правда, на очень немногих страницах — выразить протест против ненавистного строя и прославить русского крестьянина. «Бывало, запрусь, за свечу огни и пишу, пишу, — вспоминал Некрасов об этой работе. — Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечаешь. Никуда ни ногой. Огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на час, другой — и опять то же». Поразительно, как не надорвался он от такой работы. У него заболели глаза, его каждый вечер трясла лихорадка, но чтобы составить одну только книжку журнала, он читал около двенадцати тысяч страниц разных рукописей, держал до шестидесяти печатных листов корректуры (то-есть девятьсот шестьдесят страниц), из которых половину уничтожала цензура, писал до полусотни писем цензорам, сотрудникам, книгопродавцам — и порою сам удивлялся, что «паралич не хватил его правую руку».

Редактором он был превосходным. Журналов, подобных его «Современнику», не бывало в России ни раньше, ни после.

Достаточно сказать, что в качестве редактора Некрасов первый открыл таких начинающих авторов, как Лев Толстой, Гончаров, Достоевский, Григорович и другие. В журнале печатались «Записки охотника» Тургенева, «Кто виноват» и «Сорока-воровка»

Герцена, обширные статьи Белинского; впоследствии — драмы Островского, романы и повести Писемского.

Некрасов стоял во главе этого журнала без малого двадцать лет, и если бы он не написал ни одного стихотворения, он и тогда заслужил бы благодарную память потомства как величайший журналист своей эпохи.

Основывая «Современник», он надеялся, что в этом журнале Белинский будет играть руководящую роль. Однако через полтора года после основания журнала Белинский умер от скоротечной чахотки. Это была тяжелая потеря. «Современник» осиротел. Не было в тогдашней России другого писателя, который мог бы стать таким же «властителем дум» своего поколения.

Через пять лет после смерти Белинского Некрасову удалось привлечь к своему журналу продолжателей и учеников знаменитого критика — вождей русской революционной демократии Чернышевского и Добролюбова. В общей литературной работе он дружески сблизился с ними и под их благотворным влиянием создал свои лучшие произведения.

Начиная с 1855 года наступил наивысший расцвет его творчества. Он закончил поэму «Саша», где заклеймил презрением так называемых «лишних людей», то-есть либеральных дворян, выражавших свои чувства к народу не делами, а пустыми фразами.

В ту же эпоху написаны им такие произведения, как «Забятая деревня», «Школьник», «Несчастные», «Поэт и

гражданин». Этот второй период Некрасовского творчества обнаружил в нем могучие силы народного певца и трибуна.

Он стал любимейшим поэтом широких демократических масс.

Когда в 1856 году вышло первое собрание его стихов, эта книга имела грандиозный успех — такой же, как в свое время «Евгений Онегин» и «Мертвые души», и царская цензура, испугавшись ее популярности, запретила газетам и журналам печатать о ней хвалебные отзывы.

Приближалась великая эпоха 60-х годов. К тому времени как был обнаружен царский манифест о так называемом «раскрепощении» крестьян (1861), разночинцы окончательно отмежевались от дворян либерального лагеря и стали разоблачать реакционный характер их деятельности. Раскол революционных демократов и либеральных дворян не мог не отразиться на журнале Некрасова. «Современник» стал боевым органом революционной демократии. Некрасов привлек к нему целую плеяду молодых антидворянских писателей: Николая и Глеба Успенских, Помяловского, Решетникова, Елисеева, Антоновича и многих других. Знаменитые писатели-дворяне, бывшие до той поры его сотрудниками, демонстративно ушли из журнала и сделались партийными врагами поэта.

Но порвать с либералами Некрасову было не так-то легко. Еще со времен Белинского он привык считать и Дружинина, и Боткина, и Тургенева, и Григоровича, и Анненкова близкими своими товарищами. С Тургеневым и

Боткиным его, кроме общей работы, связывала самая тесная дружба. Тем более чести ему, что народное благо он поставил выше своих личных привязанностей. Но бывали такие периоды, когда он как бы возвращался к либеральным иллюзиям своих бывших друзей, и тогда, как он сам выражался, «у лиры звук неверный исторгала» его рука. По поводу подобных случайных и редких уступок Некрасова либеральным идеям Ленин в своей известной статье указал: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского»¹.

Об этих симпатиях свидетельствует хотя бы та борьба с либералами, которую вел Некрасов в своем «Современнике» плечом к плечу с Чернышевским и Добролюбовым в 1859—1861 годах.

Влияние «Современника» росло с каждым годом, но вскоре над ним разразилась гроза.

В 1861 году умер Добролюбов. Через год был арестован и (после заключения в крепости) сослан в Сибирь Чернышевский. Правительство, вступившее на путь мстительной расправы со своими врагами, решило уничтожить ненавистный журнал. Вначале оно приостановило «Современник» на несколько месяцев (в 1862 году), а потом прекратило совсем (1866).

Долго существовать без журнальной трибуны Некрасов не мог. Не прошло и

¹ В. И. Ленин. Еще один поход на демократию. Собр. соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 132—133.

двух лет, как он взял в аренду захиревший журнал «Отечественные записки»; в качестве соредактора он пригласил великого сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Отечественные записки» стали таким же боевым журналом, как и «Современник», они следовали революционным заветам Чернышевского, в них

впервые проявился во всей своей мощи сатирический гений Салтыкова-Щедрина.

Цензура жестоко преследовала «Отечественные записки», и Некрасову (совместно с Салтыковым) приходилось вести с нею такую же упорную борьбу, как и во времена «Современника».

VI

Журнальная работа утомляла поэта, и он бывал поистине счастлив, когда ему удавалось вырваться из душного города куда-нибудь в деревенскую глушь. В деревне, среди крестьян, он чувствовал себя легко и привольно и забывал все свои городские тревоги, особенно если при этом ему случалось хорошо поохотиться. Охота с детства была его любимейшим отдыхом. Захватив собаку и ружье, он на несколько дней уходил с кем-либо из местных крестьян побродить по лесам и болотам и возвращался домой с новыми силами, освеженный и бодрый.

— Какой восторг! — писал он об охоте: —

...За перелетной птицей

Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Считает сор, навешанный столбцей.

Охота была для него лучшим средством дружеского сближения с народом. Он говорил, что в деревне охотниками обычно бывают талантливейшие из русских крестьян. Сюжет его знаменитой поэмы «Коробейники» был рассказан ему во время охоты его «другом-приятелем», костромским кре-

стьянином Гаврилой Захаровым. Странствуя с ружьем из деревни в деревню, Некрасов попадал и на сельские ярмарки, и на крестьянские свадьбы, и на сходки, и на похороны, и на церковные праздники, знакомился со множеством деревенских людей, наблюдал их нравы и обычаи и жадно вслушивался в каждое слово их непринужденных речей. С каждым годом он, если так можно выразиться, все больше и больше влюблялся в народ. Пристально изучая крестьянскую жизнь, он стал исподволь готовиться к великому литературному подвигу — к созданию монументальной поэмы, прославляющей русский народ, его великодушные, его героизм, его титанические духовные силы.

Поэма эта — «Кому на Руси жить хорошо». Некрасов начал писать ее на 42-м году жизни, в пору полного расцвета своего дарования.

Героем этой поэмы он избрал не какого-нибудь одного человека, а весь русский народ, все многомиллионное «мужицкое царство», «кряжистую Корёжину», «сермяжную Русь». Такой

всеобъемлющей и всенародной поэмы еще не бывало в России.

С первого взгляда содержание поэмы представляется очень печальным. Уже самые названия деревень — Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово, Неурожайка тож — говорят о безрадостном существовании их жителей. И хотя одна из глав поэмы изображает деревенских счастливцев и даже носит название «Счастливые», но на самом-то деле, как выясняется из ее содержания, эти «счастливые» глубоко несчастны — замученные нуждою, больные, голодные люди. И сколько человеческих страданий в той части поэмы, где изображается жизнь крестьянки Матрены!

Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой, —

говорит эта крестьянка о себе. Вообще, когда читаешь первые главы поэмы, кажется, что на вопрос, поставленный в ее заголовке: «кому на Руси жить хорошо?», можно дать единственный ответ: каждому живется очень плохо, особенно же «освобожденным» крестьянам, о счастье которых Некрасов в той же поэме писал:

Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!

Некрасов начал эту поэму тотчас же после «освобождения» крестьян. Он очень хорошо понимал, что, в сущности, никакого освобождения не было, что крестьяне попрежнему остались под ярмом у помещиков и что, кроме того,

На место сетей крепостных
Люди придумали много других.

Но откуда же в этой грустной поэме, изображающей столько скорбей и трагедий, тот бодрый тон, который чувствуется в ней буквально на каждой странице? Почему самый голос поэта звучит так оптимистично и радостно? Почему все в этой поэме так «ладно и складно, так вкусно и метко», почему в ней столько шуток, прибауток, забавных эпизодов и речей? (Смотри, например, «Сельскую ярмонку» или «Пьяную ночь».)

Иначе, в сущности, и быть не могло, ибо всякая поэма о русском народе, даже такая, где повествуется о его тысячелетних страданиях, не может не вызывать в поэте светлых и радостных чувств — столько духовной красоты и величия открывается ему в жизни народа.

В центре своей эпопеи Некрасов недаром поставил Савелия, «богатыря святорусского», человека титанических сил, как бы созданного для революционной борьбы. По убеждению Некрасова, таких богатырей миллионы:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?..
Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались..
И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится..
Ужли не богатырь?

Рядом с Савелием в поэме встают привлекательные образы и Якима Нагого, вдохновенного заступника за честь трудового крестьянства, и Ермила Ги-

рина, деревенского праведника, про-
никнутого чувством социальной ответ-
ственности, и Матрены Корчагиной,
героической женщины, сумевшей от-
стоять достоинство своей человеческой
личности в условиях разнузданного
произвола и рабства. Самым своим су-
ществованием эти люди свидетельство-
вали, какая несокрушимая сила сокры-
та в народной душе. Можно было не
сомневаться, что у такого народа есть
все возможности завоевать себе счастье.

Отсюда оптимизм этой поэмы Некра-
сова:

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сознание этой нравственной «силы
народной», предвещавшей верную побе-
ду народа в борьбе за счастливое буду-
щее, и было источником той радостной
бодрости, которая чувствуется даже в
ритмах великой поэмы Некрасова.

VII

Поэма писалась в течение несколь-
ких лет, но в начале семидесятых годов
Некрасова отвлекла от нее другая ве-
ликая тема — декабристы. До той поры
в русской подцензурной печати о дека-
бристском восстании не появлялось ни
единого слова, за исключением лживых
и клеветнических официозных отчетов.
Но в 1870 году этот цензурный запрет
был немного ослаблен, и Некрасов вос-
пользовался первой возможностью,
чтобы напомнить молодым поколениям
о великих зачинателях революционной
борьбы. В поэме «Дедушка» он изобра-
зил старика-декабриста, который видит
в маленьком внуке своего боевого на-
следника и завещает ему свою нена-
висть к народным врагам. Декабристы
были предтечами всех позднейших ре-
волюционеров России, духовными отца-
ми Белинского, Герцена, Огарева, Чер-
нышевского и множества безыменных
героев, ушедших в сибирскую каторгу.
Некрасов видел прямую преемствен-
ность между старыми бойцами и новы-

ми. Он хотел, чтобы подвиги декабри-
стов и их самоотверженных жен
вдохновляли на такие же подвиги ре-
волюционную молодежь его времени.
Трогательные образы жен декабри-
стов — особенно Трубецкой и Волкон-
ской — так волновали Некрасова, что,
слушая, например, чтение записок Вол-
конской, он, пожилой человек, плакал
навзрыд, как ребенок. В 1871—1872 го-
дах он написал об этих героинях поэму
«Русские женщины». Ни в одном своем
произведении не отразил он с такой
силой kloкочущей ненависти к само-
державному строю, к царю Николаю и
его бессердечным приспешникам. Слов-
но забыв, что в России существует
цензура, он называл в этих стихах Ни-
колая «мстительным трусом», «мучи-
телем», «палачом свободных и святых».
В поэме было столько проклятий на-
родным врагам, в ней чувствовалось
столько благоговейной любви к декаб-
ристам, что в подлинном своем виде она
могла появиться лишь после Октябрю-

лял Добролюбова), будущий революционный борец:

В первой части поэмы под видом сонного видения своей героини поэт изобразил восстание на Сенатской площади, и то были первые стихи в подцензурной печати, трактующие эту запретную тему.

А поэма «Кому на Руси жить хорошо» так и оставалась незаконченной.

В 1876 году, когда Некрасов снова вернулся к своей эпопее, у него уже не было сил, чтобы закончить ее. Он тяжело заболел. Врачи отправили его в Ялту, на берег моря. Но ему с каждым днем становилось все хуже. Болезнь была смертельная. Некрасов знал, что его дни сочтены, и потому трудился, преодолевая болезнь. «Ведь каждый день может оказаться последним», говорил он окружающим его.

Новая часть поэмы была названа им «Пир на весь мир». Ему хотелось непременно закончить ее, потому что он видел в ней свое завещание, свое последнее напутственное слово молодым революционным борцам. Основное содержание «Пира» определяется притчей «О двух великих грешниках», где поэт утверждает ту истину, что беспощадная расправа с тираном — святое, благородное дело.

В центре «Пира» — «народный заступник» юноша Григорий Добросклоннов (в лице которого Некрасов прослав-

И замечательно, что, несмотря на свою горькую участь, Добросклонов — единственный истинный счастливiec во всей этой поэме Некрасова. Некрасов всячески подчеркивает, что на поставленный его поэмой вопрос, «кому на Руси жить хорошо?» — следует ответить: Добросклонову, революционному борцу за народное счастье.

Слышал он в груди своей силы
 необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья
 народного!

Счастье отдельной личности — только в служении народу. Таковы эти последние строки последней поэмы Некрасова.

Мысли, высказанные в заключительной части поэмы, были так дороги Некрасову, что он хотел возможно скорее обнародовать их. Но едва «Пир на весь мир» появился в журнале, как цензура конфисковала журнал и заставила вырезать оттуда произведение Некрасова.

Для умирающего это было тяжелым ударом. Он пригласил цензора к себе и стал упрекать его за трусость и невежество. Цензор «пыхтел, сопел и отирал пот с лица, как после жаркой бани, и только по временам мычал отрывистые фразы: «Да успокойтесь, Николай Алексеевич», или: «Вот поправитесь, переделаете — тогда и пройдет!»

Это увеличило предсмертные страдания поэта.

— Вот оно, наше ремесло литератора! — сказал он одному из докторов. — Когда я начал свою литературную деятельность и написал первую свою вещь, то тотчас же встретился с ножницами. Прошло с тех пор тридцать семь лет — и вот я, умирая, пишу свое последнее произведение и опять-таки сталкиваюсь с теми же ножницами.

Кроме этой поэмы, Некрасов, буквально на смертном одре, написал «Последние песни», где все та же тревога и боль о народе.

Его подвергли мучительной операции, которая лишь на несколько месяцев отсрочила смерть. Спать Некрасов мог только под сильным наркозом, страдания его были так мучительны, что бывали дни, когда он с утра до ночи непрерывно кричал, и все же нечеловеческим напряжением воли он находил в себе силы слагать свои «Последние песни».

Когда читатели узнали из этих песен, что Некрасов смертельно болен, его квартира была завалена телеграммами и письмами, где выражалась скорбь о любимом поэте.

Особенно растрогал больного про-

щальный привет Чернышевского, присланный из далекой Сибири. «Скажи ему, — писал Чернышевский Пыпину, — что я горячо люблю его, как человека, что я благодарю его за доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И, как поэт, он, конечно, выше всех русских поэтов».

Умирающий выслушал этот привет и сказал еле слышным шопотом:

— Скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благодарю его... Я теперь утешен... Его слова мне дороже, чем чьи-либо слова...

Умер Некрасов 27 декабря 1877 года (по новому стилю 8 января 1878 года). Его гроб, несмотря на сильный мороз, провожало множество народу. Когда Достоевский, говоривший речь над могилой, сказал, что Некрасова как поэта можно поставить тотчас же после Пушкина и Лермонтова, в толпе раздались крики:

— Выше! Выше!

VIII

В своих воспоминаниях о Некрасове один из его современников, хорошо знавший его в течение десятков лет, отзывался о нем так:

«Это был человек мягкий, добрый,

независтливый, щедрый, гостеприимный и совершенно простой... не заботящийся о завтрашнем дне, когда сегодня надо помочь другому». Эти душевные свойства Некрасова отрази-

лись в его поэзии. Вся она исходит из горячего сострадания к людям:

Иди к униженным,
Иди к обиженным,
Там нужен ты.

Этой своей заповеди Некрасов не нарушал никогда. Он называл свою музу «печальной спутницей печальных бедняков, рожденных для труда, страданий и оков». Он так и говорил о революции: «великое дело любви», ибо хорошо понимал, что только революционным путем можно освободить угнетенный народ от его оков и страданий. Но как бы ни были искренни убеждения Некрасова, он не мог бы воздействовать ими на многие и многие поколения русских людей, если бы был слабым, неисканным писателем, неумело владеющим поэтической формой.

В чем же заключалось искусство Некрасова?

Прежде всего — в реализме, но не в том равнодушно-протокольном, фотографическом, якобы объективном отражении действительности, которое прикрывается иногда этим именем. Реализм Некрасова был лирически страстен, исполнен то яростной злобы, то порывистой нежности:

Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю.

Здесь дана точная формула его реалистического отношения к миру. Изобразить или отразить современность — этого ему было мало, он жаждал преобразить, переделать ее. Его реализм был действенным. Это был реализм борца.

Обладая изумительной зоркостью к

малейшим деталям окружающей жизни, он никогда не подчинял им своего реализма, но широко обобщал все свои сюжеты и образы. И его Савелий, «богатырь святорусский», и его Матрена Корчагина, и Яким Нагой, и помещик Оболдуй Оболдуев (в поэме «Кому на Руси жить хорошо»), и Агарин (в поэме «Саша»), и Прокл, и Дарья (в поэме «Мороз, Красный нос»), и «рыцарь на час», и «филантроп» — все это не только индивидуумы, наделенные такими-то и такими-то личными качествами, но обобщенные типы, характеры, представители обширной категории людей. В лице Савелия и Матрены Корчагиной Некрасов дал эпически монументальные образы, свойственные народному творчеству. И всегда его реализм был связан с классовой оценкой людей и событий, — вспомним хотя бы «Забытую деревню», «Размышления у парадного подъезда», «Псовую охоту» и проч.

Поразительно разнообразие поэтических форм и жанров, которые были доступны Некрасову.

Одной из его наиболее излюбленных форм была форма песни. Ею Некрасов владел в совершенстве. Недаром он так часто называл свои стихотворения песнями: «Песня Еремашке», «Колыбельная песня», «Песня убогого странника». В них именно такая конструкция, такой ритмо-синтаксический строй, какие свойственны песням.

Уже то, что многие стихотворения Некрасова — такие, как, например, знаменитая «Тройка», «Ой, полна, полна коробушка», «Огородник», «Зеленый шум», «Катерина», «Было две-

надать разбойников» — до сих пор поются как народные песни, свидетельствует о его мастерстве в области песенной лирики.

Этим редкостным даром песнетворчества обладали почти все крупнейшие поэты демократии: Шевченко, Кольцов, Никитин, Беранже, Роберт Бернс. Влияние их поэзии на широкие массы в значительной мере обусловлено тем, что они были поэты-певцы. В литературе нет более могучего средства боевой пропаганды, чем песня.

Но песня — не единственный жанр поэзии Некрасова.

Он был таким же мастером стихотворных новелл, то-есть эпических, сюжетных стихов — таких, как «Прекрасная партия», «Саша», «Дедушка», «Русские женщины». Ни один из его современников не мог бы сравниться с ним в этом повествовательном жанре.

Таким же мастером был он в области глубоко интимной, хватающей за душу лирики. Вспомним хотя бы его гениальное стихотворение «Рыцарь на час», над которым рыдал Чернышевский.

И в то же время он был создателем особого жанра — грозных, обличительных сатир, в которых едкая ирония так часто сменяется то слезами обиды и боли, то взрывами неистовой ярости.

Так же великолепно владел он еще одним поэтическим жанром: торжественной, патетической, ораторской речью. Этот жанр чрезвычайно далек от фольклора и, можно даже сказать, противоположен ему. Но диапазон некрасовской поэзии был так необъят-

но широк, что и в этой, казалось бы чуждой Некрасову, форме поэт создал такие шедевры декламационной, патетической речи, как «Родина», «Элегия», «Муза», «Страшный год» и многие другие¹.

Все это разнообразное свое мастерство Некрасов отдал на службу народу.

Его стихами впервые в истории заговорило о своих муках и нуждах трудовое крестьянство, пробуждающееся к революционной борьбе. Отсюда — демократизация поэтических сюжетов и форм, внесенных в русскую поэзию Некрасовым.

Вообще он никогда не заботился о той нарядной красивости, какая требовалась салонной эстетикой. Многие формы его демократической речи нередко возмущали эстетов дворянского лагеря, которые в многочисленных журнально-газетных статьях называли его поэзию «вульгарной», «топорной», «корявой». Они были преднамеренно слепы к его мастерству, к его смелой новаторской технике, к его изумительной песенной силе.

Но Некрасов умел презирать их суждения.

...мой судья — читатель-гражданин,

Лишь в суд его храню слепую веру. —

сказал он в поэме «Уныние», разумея под читателем-гражданином револю-

¹ В то время как в песенных его стихотворениях преобладают трехдольные ритмы — амфибрахи, анапесты, дактили, — здесь, в этих декламационных стихах, он чаще всего пользуется так называемыми «александринами» (шестистопными ямбами).

ционно настроенную, демократическую молодежь того времени.

Еще в начале его литературного поприща, когда какой-то критик реакционного лагеря стал порицать его тогдашние стихи, он ответил этому враждебному критику:

Против твоей я публики грешу,
Но только я не для нее пишу.

Те, для кого он писал, видели в нем выразителя своих собственных чувств и мыслей. Форма его стихов, именно вследствие своей демократической сущности, была в их глазах прекрасна.

Добролюбов писал в 1860 году от лица революционной демократии:

«Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотой Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова».

И из дальнейших его статей можно

было понять, что этот поэт уже есть и что этот поэт — Некрасов¹.

В одном из своих писем Добролюбов говорил о Некрасове:

«Любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии, единственный талант, в котором теперь есть жизнь и сила».

Некрасов был одним из любимейших поэтов В. И. Ленина. Н. К. Крупская сообщает, что, будучи в сибирской ссылке, Владимир Ильич «перечитывал по вечерам вновь и вновь» стихотворения Некрасова. Часто в своих статьях и речах Ленин подкреплял свои мысли некрасовскими стихами. Всякому, кто прочтет такие статьи В. И. Ленина, как «Памяти графа Гейдена» и «Еще один поход на демократию», станет ясно, что в глазах великого революционного вождя Некрасов был одним из народных заступников, разоблачителем «хищных интересов», «лицемерия и бездушия» командующих классов России.

IX

В центре своей поэзии Некрасов поставил крестьянина. Больше всего стихов написано им о тогдашней деревне. Как поэт-реалист он был очень далек от огульного восхваления крестьян: он видел их темноту, их забитость, порожденную тысячелетней неволей. Он не скрывал от себя, что в их среде есть «великие грешники» — Глебы, Калистраты и Власы¹, но именно по-

тому, что он был реалист, он знал, как неисчерпаемы духовные силы народа. О тех людях, что чуждаются народа и не видят его нравственных сил, он говорил как об отщепенцах и выродках и приравнивал их к самым грубым животным:

¹ «Нет ни малейшего сомнения, что естественный ход жизни произвел бы такого поэта; мы даже можем утверждать это не как предположение или вывод, но как совершившийся факт» (Добролюбов, Собр. соч., М., т. II, 1935, стр. 579, 594).

¹ «Крестьянский грех», «Коробейники», «Влас».

Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свињи ходят по зєми —
Не видят неба век!..

Даже рабство, по убеждению Некрасова, не могло сокрушить нравственную силу крестьян:

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Наряду с крестьянами Некрасов увидел такие же демократические элементы и в городе — в лице бесчисленных маленьких тружеников, эксплуатируемых теми же верхами помещичье-буржуазного общества. Капиталистический город всегда изображался Некрасовым с точки зрения этих «униженных и оскорбленных» людей:

Душа болит. Не в залах бальных,
Где торжествует суета, —
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.

Но не только «грустную мечту» открыл в этих людях Некрасов, он зорко подметил в них тайную злобу и все растущий протест:

Запуганный, задавленный,
С поникшей головой
Идешь, как обесславленный,
Гнушаясь сам собой.
Сгораешь злобой тайною...

Эта «тайная злоба» впервые стала явной в поэзии Некрасова.

«Злоба во мне и сильна и дика», писал он еще в 1845 году и громко выражал эту революционную злобу на

всем протяжении своей творческой деятельности.

Так как весь крепостнический строй держался чудовищным лицемерием и ханжеством тогдашних хозяев жизни, Некрасов считал своим долгом разоблачать их «всероссийскую ложь», срывать с них всякие благовидные маски, обнажая «под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы»¹.

Этому «срыванию масок» посвящены такие стихотворения Некрасова, как «Современная ода», «Секрет», «Нравственный человек», «Филантроп» и др.

Но ни отчаянная нищета трудящихся масс того времени, ни их беспросветное рабство не поколебали веры Некрасова в то, что они завоюют себе счастливое будущее, и всякий раз, когда он заговаривает об этом будущем счастье народа, его сумрачный стих становится неузнаваемо светел:

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — не бужены,
Вышли — не прошены:
Жита по зернышку
Горы намошены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется —
Несокрушимая!

¹ В. И. Ленин, Памяти графа Гейдена. Собр. соч., изд. 3-е, т. XII, стр. 9.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забытая,
Ты и всеиловая
Матушка-Русь!..

Правду этих проникновенных стихов подтвердили наши великие вожди Ленин и Сталин, обращаясь к ним для характеристики разных эпох русской жизни.

«Золото, золото сердце народное!..» — Некрасов не только провозгласил эту истину, но и воплотил ее в широко обобщенных поэтических образах, ибо

вся поэзия Некрасова — это ожидание, предчувствие нашей современной эпохи, когда полностью оправдалась его непоколебимая вера в титанические силы народа.

Жаль только — жить в эту пору
прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе! —

печалился он. Но мы, его потомки, дожившие до этого времени, никогда не забудем, как много сделал Некрасов своей гениальной поэзией для того, чтобы это время пришло.

К. Чуковский

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

В Д О Р О Г Е

Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши,
Или что ты видал, расскажи —
Буду, братец, за все благодарен. —

«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка-жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане¹ играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то что у нас
На селе сарафанницы наши,
А примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальжанный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тонсь сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамнись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка),

Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк²,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрubiла ему
В чем-нибудь, али напроосто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, —
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло — да на ней и женили...
Тонсь, сколько я нажил хлопот!

¹ Варган — орган, музыкальный инструмент.

² Крепостные крестьяне, которых помещики отпускали на заработки, считались переведенными «с запашки на оброк», то-есть должны были ежегодно выплачивать своим господам определенную сумму денег.

Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утепишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет, как шальная...
Погубили ее господя,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет все глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,

Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барчонка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щенка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу.
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бывал,
Разве только под пьяную руку...»

— Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..

С О В Р Е М Е Н Н А Я О Д А

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь.
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породой:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе все свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

* * *

—

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытал ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб!
Добровольно всю жизнь пресмыкался, как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкались ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
А хватаюсь за нож — замирает рука!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темнозеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чип
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

Т Р О Й К А

Что ты жадно глядишь на дорогу
 В стороне от веселых подруг?
 Знать, забило сердечко тревогу —
 Все лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
 За промчавшейся тройкой вослед?..
 На тебя, подбоясь красиво,
 Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
 Полюбить тебя всякий непрочь:
 Вьется алая лента игриво
 В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
 Пробивается легкий пушок,
 Из-под брови твоей полукруглой
 Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
 Полный чар, зажигающих кровь,
 Старика разорит на подарки,
 В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
 Будет жизнь и полна и легка...
 Да не то тебе пало на долю:
 За перяху пойдешь мужика.

Завязавши подмышки передник,
 Перетянешь уродливо грудь,
 Будет бить тебя муж-привередник
 И свекровь в три погибели гнать.

От работы, и черной и трудной,
 Отцветешь, не успевши расцвести,
 Погрузишься ты в сон непробудный,
 Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
 Полном жизни — появится вдруг
 Выраженье тупого терпенья
 И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
 Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
 Бесполезно угасшую силу
 И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
 И за тройкой вослед не спеши,
 И тоскливую в сердце тревогу
 Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
 Кони крепки и сыты и бойки, —
 И ямщик под хмельком, и к другой
 Мчится вихрем корнет молодой...

Р О Д И Н А

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И неребязческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее дальней
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою стубил... О, знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шопот твой губителю простил!..

И ты, делившая с страдалицей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила

Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг,
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убегал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но все, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым —
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И, с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки.

(Реутт. «Псовая охота»)

1

Сторож вокруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья — и жалобно стонет...

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздروгнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздروгнули все—до грудного мальчишки.

Вот при дрожащем огне фонарей
Двигаются длинные тени псарей.

Крик, суматоха!.. ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит — седлай поскорей!

В синих венгерках¹ на заячьих лапках,
В остроколенных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
Любо глядеть — молодец к молодцу!

Хоть и худеньки у многих подошвы —
Да в сюртуках зато желтые прошвы,

Хоть с толокна животы подвело —
Да в позументах под каждым седло,

Конь — загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник² и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,
Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка издохла, в забойке Набат,

Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца-Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завивлял.

¹ Венгерка — куртка, расшитая шнурами.

² Арапник — длинная ременная плеть.

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псарь по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп¹ скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» ребята кричат...

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псарь
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них ни единый.

«В Банники»², крикнул помещик:
«набрось!»³
Борзовщики⁴ разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В острове⁵ скрылся крикун-
доезжачий⁶.

Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «Го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залились на следу.

Варом-варит⁷ закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух;
Дивной гармонией нежится слух!

Однопомётников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет⁸,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой
Бетховен!

¹ Очеп — деревянный рычаг, с помощью которого в деревнях доставали из колодца воду.

² Банники — название леса.

³ Набрасывать — выпускать гончих в лес за зверем.

⁴ Борзовщик — псарь, подстерегающий зверя у опушки леса с борзыми собаками.

⁵ Остров — обособленная группа деревьев в чаще большого леса.

⁶ Доезжачий — старший псарь.

⁷ Варом-варит — стая собак несется за зверем с неумолкаемым лаем.

⁸ Опекунский совет — учреждение, в котором помещики получали денежные ссуды под залог имений.

Ближе и лай, и порскáнье¹, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещичьей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движеньях — величие
власти,
Голос проникнут могуществом страсти,

Очи горят благородным огнем —
Чудное что-то свершилось в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез² за миллионы не купит!

Буйная удаль не знает преград,
Смерть иль победа — ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж, как не в
буре,
И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает³ — и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке⁴.

Зверя поймали — он дико кричит,
Мигом отпáззончил⁵, сам торочит⁶,

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

4

Много травили, много скакали,
Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угар и Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвмя-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животное!»
Не унимается бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил — и валится в ноги мужик.

¹ Порскать — криками гнать собаку по следу.

² Крез — богат.

³ Зверь отседает — зверь, обманув собак, оставляет их далеко позади себя.

⁴ Лука — часть охотничьего седла.

⁵ Отпáззончить — отрезать задние лапы в среднем суставе.

⁶ Торочить — привязывать к седлу особыми ремешками — тороками.

Барин отъехал — мужик встрепепулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетепим дубьем,
Вместе с горластым твоим холуём!»

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рябчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псарям
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псарь — и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

И в обагрённые кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

5

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполонину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши¹:
В воду залезли по самые уши!

В поле завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей...

Вот наконец добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш!

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал, —
Ты словно ветер пустынный летал!

Слава тебе, резвоножка-Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику², слава псарям!

¹ Тявкуша — гончая.

² Выжлятник — то же, что доезжачий.

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело — скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седины молодые порывы
В нем сохраняются, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

П Е Р Е Д Д О Ж Д Е М

—

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перёд закрыт;
И «пошел!», привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

1

2

3

6 Н. А. Некрасов

Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посекаю его, каналью,
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был, как чаша;
Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

1848

♪♪♪♪♪

• • •

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную¹;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

३०६

¹ Сенная — площадь в Петербурге, где производились телесные наказания.

Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: «Мщение!» и буйным языком
В сообщники свои звала господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабея медленно, томительный недуг
Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдаллица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятной девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда, наконец, обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила.

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

Живая и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева, неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет.

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

1855

♪♪♪♪♪

* * *

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь —

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

♪♪

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоет —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все налившие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил,

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливей смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои;

Славные люди! Радущье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства.

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитяtko ваше, —

Бегаёт живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы;

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

Да и старушка не многим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Все ли застану попрежнему в нем?

2

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побоятся она?..
Все так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно,
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятья: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Полям идешь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызгается пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей», —

Думает Саша: — «безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликованье

Саше порукой, что милостив бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой;

Знает она, что недаром с любовью
Землю полюют они потом и кровью...

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любю, кормилица-нива,
Видеть, как ты колосилась красиво,

Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно, весь день тому весело будет!

Саша проснется — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагруженной снопами телегой
Чинно идет жеребёночек пегий,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,

Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло — начинается день...

Саша собирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Правилось ей

В пестром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саша все нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздалось «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!

Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» — Так что ж? —

«Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу — серп удалой,
Девице взрослой — жених молодой!»

— Вот еще выдумал, старый
проказник! —
«Думай не думай, а будет нам
праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась,
плутовка!» —

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...

Саше случалось знать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозди калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрепал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В темную пору забила лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоумении тащат муравьи,
Что ни попало, в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые;
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна.

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклиная.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Варытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами, —

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птиц завелись,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосою янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится, — но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых,

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен:

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть!..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

3

Третьего года, наш край покидал,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылся мой предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексенч Агарин,
Ласков с прислугой, как будто
не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
— Был, — говорит, — я теперь
за границей,

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов —

Все там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной все кружился орел,

Словно пророчил великую долю. —
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать
нашей —

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Все рассуждали: какая причина, —

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

Но, — говорит, — не слабеете душою:
Солнышко правды взойдет над землею!

И в подтверждение надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

Бил, — говорит, — я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора!
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкою плачет.
Видели: письма все пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла,

Книжки свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно оробел. Мудреного нет:

В два-то последние года надиво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

Все, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угождение пошло!
Он ей перечил, как будто назло:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол. —
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит, как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам шутя:
— Тешится новой игрушкой дитя! —

Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «нездорова».

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится богу...
Он говорит: «Я собрался в дорогу». —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. — он письмо ей прислал.
Между нами: Грешные люди, с испугу мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и правом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама неспокойна:
То говорит: «Я его недостойна»,

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку целует!..

Что тут такое? родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро попрежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искустель людской,
Это, увь! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо итти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

— Нет, я души не растрочу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир, — говорит, — осчастливить хочу!

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять не легко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да, говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только наверное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна!

А остальное все сделает время.
Сеет он все-таки доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы, — то бугор, то овраг:

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее, — в три четверти
груди, —

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега, —

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитяtko ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

НА РОДИНЕ

Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых нив —
Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!
Ах, странно так я создан небесами,
Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок!

* * *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрождения!
Я звал тебя — во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

◊◊◊

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел

И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

◊◊◊

ШКОЛЬНИК

Ну, пошел же, ради бога!
 Небо, ельник и песок —
 Невеселая дорога...
 Эй! садись ко мне, дружок! —

Ноги босы, грязно тело,
 И едва прикрыта грудь...
 Не стыдися! что за дело?
 Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
 Так, учиться ты идешь...
 Знаю: батька на сынишку
 Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
 Отдала четвертачок,
 Что проезжая купчиха
 Подарила на чайк.

Или, может, ты дворовый
 Из отпущенных?.. Ну, что ж!
 Случай тоже уж не новый —
 Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
 Как архангельский мужик¹
 По своей и божьей воле
 Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
 Кто-нибудь свезет в Москву,
 Будешь в университете —
 Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
 Знай работай да не трусь...
 Вот за что тебя глубоко
 Я люблю, родная Русь.

Не бездарна та природа,
 Не погиб еще тот край,
 Что выводит из народа
 Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
 Сильных любящей душой
 Посреди тупых, холодных
 И напыщенных собой!

¹ Архангельский мужик — великий русский ученый и писатель Михаил Васильевич Ломоносов. Ломоносов по происхождению крестьянин Архангельской губернии.

П О Э Т И Г Р А Ж Д А Н И Н

Гражданин *(входит)*

Опять один, опять суров,
Лежит — и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!

Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «вишь куда метнул!»

Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

(Берет книгу.)

Спаситель Пушкин! — Вот страница:
Прочти и перестань корить!

Гражданин *(читает)*

«Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв».

Поэт *(с восторгом)*

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, — великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи, пожалуйста?!

Гражданин

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,

Сатиры чужды красоты,
Неблагодарны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неугодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянии спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, —
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет
И снасти рвет и мачту клонит. —
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес — и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?

Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пуškai ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначение — разговоры.
Свою особу ограждая,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты.
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно,
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,
 Глашатай истин вековых,
 Не верь, что не имущий хлеба
 Не сто́ит вещей струн твоих!
 Не верь, чтоб вовсе пали люди;
 Не умер бог в душе людей,
 И вопль из верующей груди
 Всегда доступен будет ей!
 Будь гражданин! служа искусству,
 Для блага ближнего живи,
 Свой гений подчиняя чувству
 Всеобнимающей Любви;
 И если ты богат дарами,
 Их выставлять не хлопочи:
 В твоём труде заблещут сами
 Их животворные лучи.
 Взгляни: в осколки твердый камень
 Убогий труженик дробит,
 А из-под молота летит
 И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?.. чуть я не уснул,
 Куда нам до таких воззрений!
 Ты слишком далеко шагнул.
 Учить других — потребен гений,
 Потребна сильная душа,
 А мы с своей душой ленивой,
 Самолюбивой и пугливой,
 Не сто́им медного гроша.
 Спеша известности добиться,
 Боимся мы с дороги сбиться
 И тропкой торною идем,
 А если в сторону свернем —
 Пропали, хоть беги со света!
 Куда жалка ты, роль поэта!
 Блажен безмолвный гражданин:
 Он, Музам чуждый с колыбели,
 Своих поступков господин,
 Ведет их к благодарной цели,
 И труд его успешен, спор...

Гражданин

Не очень лестный приговор,
 Но твой ли он? тобой ли сказан?
 Ты мог бы правильной судить:
 Поэтом можешь ты не быть,
 Но гражданином быть обязан.
 А что такое гражданин?
 Отечества достойный сын. —
 Ах! будет с нас купцов, кадетов,
 Мещан, чиновников, дворян,
 Довольно даже нам поэтов,
 Но нужно, нужно нам граждан!
 Но где ж они? Кто не сенатор,
 Не сочинитель, не герой,
 Не предводитель, не плантатор,
 Кто гражданин страны родной?
 Где ты? откликнись! Нет ответа.
 И даже чужд душе поэта
 Его могучий идеал!

Но если есть он между нами,
 Какими плачет он слезами!..
 Ему тяжелый жребий пал,
 Но доли лучшей он не просит:
 Он, как свои, на теле носит
 Все язвы родины своей

.

Гроза шумит и к бездне гонит
 Свободы шаткую ладью,
 Поэт клянет или хоть стонет,
 А гражданин молчит и клонит
 Под иго голову свою.
 Когда же, но молчу... Хоть мало,
 И среди нас судьба являла
 Достойных граждан... Знаешь ты
 Их участь?.. Преклони колени!..
 Лентяй! смешны твои мечты
 И легкомысленные пени!
 В твоём сравненьи смыслу нет.
 Вот слово правды беспристрастной:

Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Немудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной, —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я влетал крапиво
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренне любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.

Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего попрал
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын больной большого века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волнения...
Угрюм и полон озлобления
У двери гроба я стою...

Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи,
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспеваю.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.

Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный

Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Все скрыл в глубокой темноте,
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

П Е Т Е Р Б У Р Г С К О Е У Т Р О

Из поэмы «Несчастные»

Как чудно город изукрашен!
Шпили его церковей и башен
Уходят в небо; пышны в нем
Театры, улицы, жилища
Счастливых мира — и кругом
Необозримые кладбища...

О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых.
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Пленный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвьи полночи безлунной,
В движении гордой суеты!

.
Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится в невские струи;
Пусть, теща буйство удалое
И сея плеве́лы свои,
Толпы пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кишат. В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.

Ты дорог нам — ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Всё так. Но если ненароком
В твои пределы загляну,
Купаясь в омуте глубоком,
Переживая старину,
Душа болит. Не в залах балльных,
Где торжествует суета, —
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но редкий солнца луч... о нет!
Твой день больной, твой вечер мглистый,
Туманный, медленный рассвет
Воображенье мне рисует...
Светает. Чу, как ветер дует!
Унять бы рады сорванца,
Но он смеется над столицей
И флагом гордого дворца
Играет, как простой тряпицей.
Нева волнуется, дома́
Стоят, как крепости пустые;
Железным болтом запертые,
Угрюмы лавки, как тюрьма.
Их постепенно отворяют,
Товару в окна прибавляют, —
Так ставит с вечера капкан

Охотник, на добычу падкий.
 Вот солнце глянуло украдкой,
 Но одолел его туман —
 И снова мрак. Какие лица
 Теперь приходится встречать!
 Такую страшную печать
 Умеет класть одна столица.
 Проехал воз: ни рус, ни сед,
 Чухонец им курносый правил
 И ельника зеленый след
 На мокрой улице оставил —
 Покойник будет. Вот и он!
 До пышных дожил похорон:
 Четверкой дроги, гроб угрюмый
 Стоит высоко под парчой.
 Идет родня с печальной думой,
 Поникнув молча головой;
 Плетутся дряхлые кареты,
 То там, то тут, полуодеты,
 Из окон женщины глядят,
 Прохожий крестится сурово...
 Прошла процессия — и снова
 Все пусто. — Вот идет солдат
 За фурой вроде погребальной —
 Глядит оттуда глаз печальный

И видно бледное лицо...
 Довольно! что теперь ни встретишь,
 На всем унынья след заметишь.
 Но вот парадное крыльцо
 В богатом доме отворяет
 Какой-то рослый молодец, —
 Теперь-то утро наступает!
 Туман осилив наконец,
 Одело солнце сетью чудной
 Дворцы, и храмы, и мосты,
 И нет следов заботы трудной
 И недовольной нищеты!
 Как будто появляться вредно
 При полном водвореньи дня
 Всему, что зелено и бледно,
 Несчастно, голодно и бедно,
 Что ходит, голову склоня!
 Теперь гляди на город шумный!
 Теперь он пышен и богат —
 Несется в толкотне безумной
 Блестящих экипажей ряд,
 Все полно жизни и тревоги,
 Все лица блещут и цветут,
 И с похорон обратно дроги
 Пустые весело бегут...

1858

♪♪♪♪♪

* * *

Стихи мои! Свидетели живые
 За мир пролитых слез!
 Родитесь вы в минуты роковые
 Душевных гроз
 И бьетесь о сердца людские,
 Как волны об утес.

♪♪

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

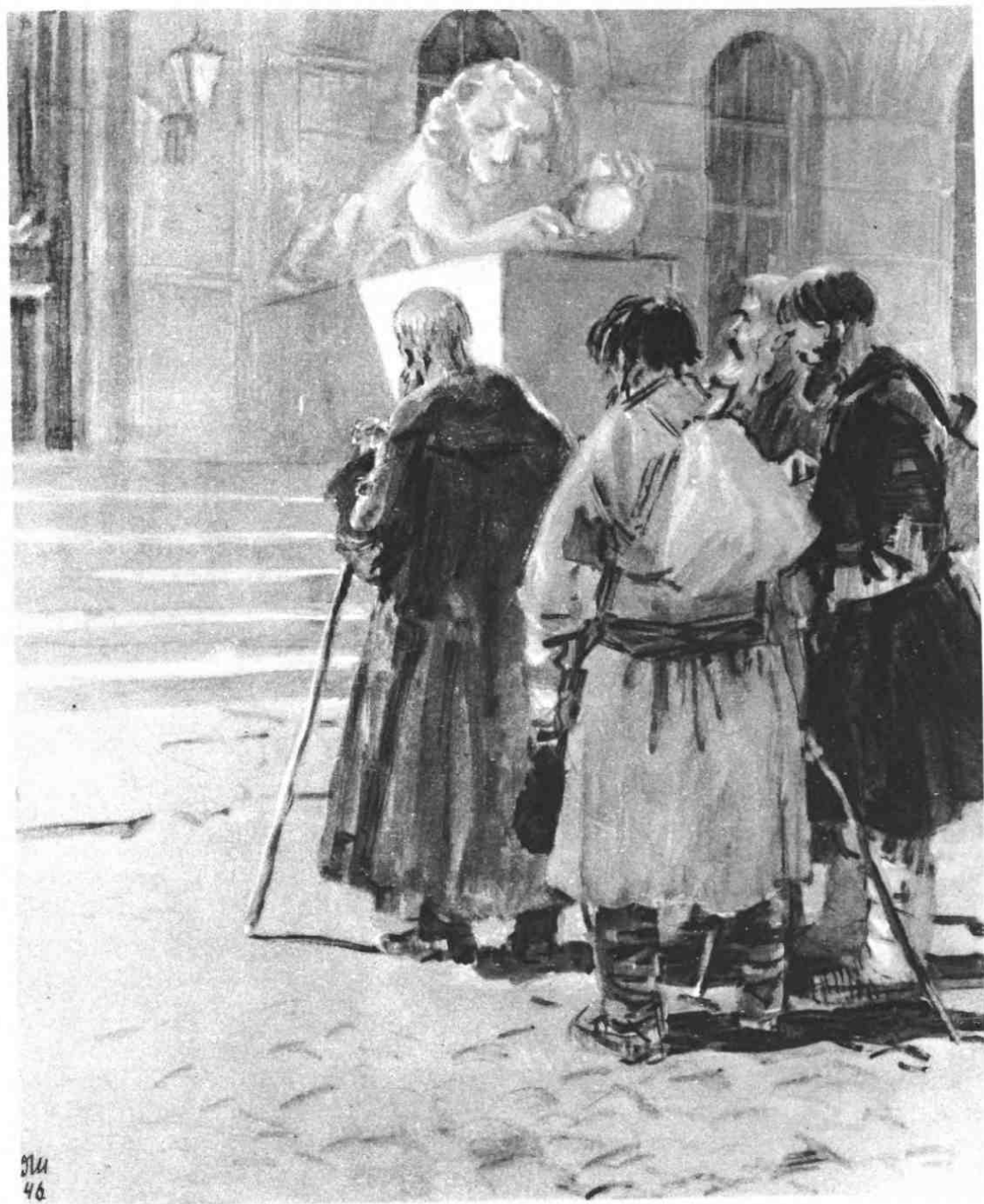
Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожекторы, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!»
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,

И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкопёров забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя,
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Все пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овинном, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

«Стой, ямщик! жара неспасная,
Дальше ехать не могу!»
— Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу. —

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку;
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, все с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодцами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя!

«Нá, родной, да ты откудова?»
— Я проезжий, городской. —
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
«Баю-баюшки, баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глушцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дику
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

И тогда-то...» Вдруг проснулось
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепелулась
И взяла его, крестя.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

1859

၂၀၂၀၂၀၂၀၂၀၂၀၂၀၂၀၂၀၂၀၂

ГОРОДСКАЯ КЛЯЧА

Из поэмы «О погоде»

Под жестокой рукой человека,
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она запаталась и стала.
«Ну!» — погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,

И, вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Все напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих сместило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился — и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и непрочь,
Безответная жертва народа,
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась — и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилия,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,

На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью — волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!»
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так — хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир — и наблюдал,
Что дерзкий мальчишка затевал!
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине.
Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут

И потащат с собою в пруд
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал — черти ни гу-гу!
Я пруд три раза обошел,
Но чорт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

О, Волга! после многих лет
 Я вновь принес тебе привет.
 Уж я не тот, но ты светла
 И величава, как была.
 Кругом все та же даль и ширь,
 Все тот же виден монастырь
 На острове, среди песков,
 И даже трепет прежних дней
 Я ощутил в душе моей,
 Заслыша звон колоколов.
 Все то же, то же... только нет
 Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
 Что на песке горят следы;
 Рыбалки дремлют над водой,
 Усевшись в плотные ряды;
 Куют кузнечики, с лугов
 Несется крик перепелов.
 Не нарушая тишины
 Ленивой, медленной волны,
 Расшива движется рекой.
 Приказчик, парень молодой,
 Смеясь, за спутницей своей
 Бежит по палубе: она
 Мила, дородна и красна.
 И слышу я, кричит он ей:
 «Постой, проказница, уж
 Вот догоню!..» Догнал, поймал —
 И поцелуй их прозвучал
 Над Волгой вкусно и свежо.
 Нас так никто не целовал!
 Да в подрумяненных губах
 У наших барынь городских
 И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
 Я позабылся. Сон и зной
 Уже царили надо мной.

Но вдруг я стоны услышал,
 И взор мой на берег упал.
 Почти пригнувшись головой
 К ногам, обвитым бечевой,
 Обутым в лапти, вдоль реки
 Ползли гурьбою бурлаки,
 И был невыносимо дик
 И страшно ясен в тишине
 Их мерный похоронный крик —
 И сердце дрогнуло во мне.

О, Волга!.. колыбель моя!
 Любил ли кто тебя, как я?
 Один, по утренним зарям,
 Когда еще все в мире спит
 И алый блеск едва скользит
 По темноглубым волнам,
 Я убежал к родной реке.
 Иду на помощь к рыбакам,
 Катаюсь с ними в челноке,
 Брожу с ружьем по островам.
 То, как играющий зверок,
 С высокой кручи на песок
 Скачусь, то берегом реки
 Бегу, бросая камешки,
 И песню громкую пою
 Про удаль раннюю мою...
 Тогда я думать был готов,
 Что не уйду я никогда
 С песчаных этих берегов.
 И не ушел бы никуда —
 Когда б, о, Волга! над тобой
 Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
 Его услышав в первый раз,
 Я был испуган, оглушен.
 Я знать хотел, что значит он, —
 И долго берегом реки

Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
— Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал: — Когда б попасть
Хоть на Илью... — «Авось придем, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил: — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...»
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И выражающий укор
Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Все ту же песню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,

«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

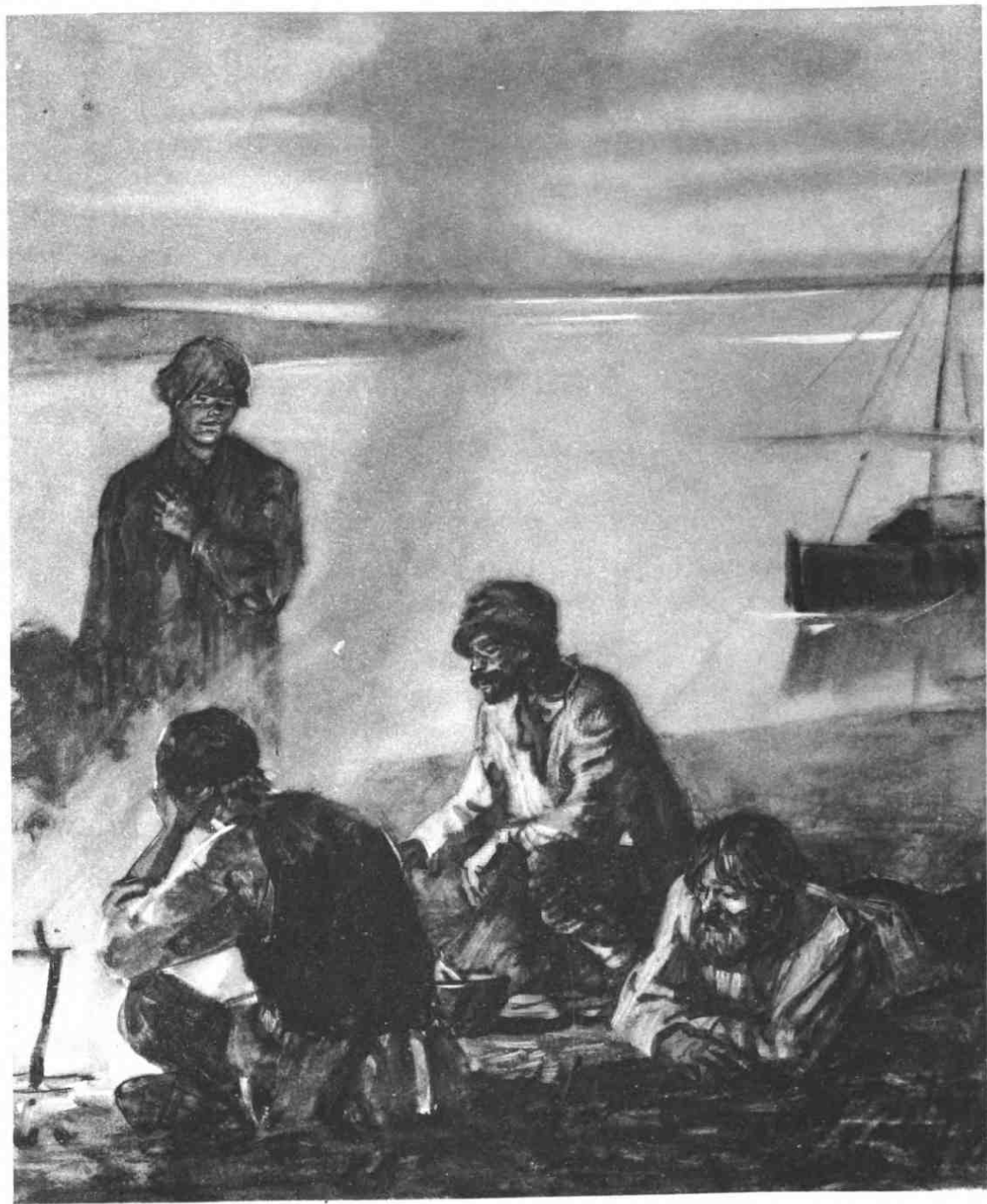
О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмелл!

Но если вы — наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

В чертах усталого лица
Все та же покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа

И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Если пасмурен день, если ночь
 не светла,
Если ветер осенний бушует, —
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду.
Я со стога спугнул ястребенка,
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;

Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвою;
Чудны красок его переливы
Под играющей ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли
веселый —

В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Все, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов, —
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась кормилица наша!..

Спи, кто может, — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму,
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с собой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,

Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне.
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепетает душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведреном дне.

Звук за звуком, гудя,
прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Все, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, — все живет предо мной,
Все так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидеть я и той,

Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозой сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе свою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволнения мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,

Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебном светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаленья,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клеветают язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы не равные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце не робкое билось,
Что умел он любить...

.

(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Все в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты,
сила?

Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день провалиюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Все, что в сердце кипело, боролось,
Все луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись — о ничтожное племя! —
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мешанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи — валяйся по печи,
Каждый день недоедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное,
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над шами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до поту,
День придет — работой тешатся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, —

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валилися:
Вместо шапки белым инеем
Волоса бы серебрилися!

П Л А Ч Д Е Т Е Й

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

Всё и все! Впадая в иступленье,
Начинаем громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать! —
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит! —

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться, —
Но зачем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бедной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

1861

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит вёдренный день впереди:

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шопот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шопот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Погите вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий *(с испугом)*

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кипулись прочь: человека заслыша,
Так стаяй с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
— Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно — не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой... — «Услышит, молчи!»

О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованым деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельвал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:

Рабочего звания люди сновали

По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин

Под праздник молиться катит.

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа-бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать. —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожая с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им все покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали,
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой —
И русских головок над речкой пустынной,
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...

А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок

На лаве, где matka колотит белье,
Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забила, а эта с обновой:

Сплела себе славный венок,
Все беленький, желтенький, бледнолиловый
Да изредка красный цветок.

Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошади своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, аukanьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

— Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной! —

Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно;
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведают свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однакоже зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо:
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топот дровосека.)

— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вот оно что! А как звать тебя? —

«Власом».

— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто все это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Все, все настоящее русское было,
С клеймом нелюбимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелее,
— Эй! воры идут! — закричал я Фингалу: —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей! —

Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла;
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами: «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха! —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стрелка!
Широкая дверь отперлась, закрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребяташки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей¹.

¹ Дупель — болотная птица.

КОРОБЕЙНИКИ

*Другу-приятелю ГАВРИЛЕ ЯКОВЛЕВИЧУ
(крестьянину деревни Шоды, Костромской
губернии)*

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

23 августа 1861
Грешнево

Н. Некрасов

I

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо¹.

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завяжу черноокую —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,

Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую,

¹ Кумачи и китайка — дешевые бумажные ткани; кумач — красного цвета, китайка — желтого.

Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос, —
Все поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенка:
«Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!»
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещанье даю:
У отца дитя любимое!

Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-пóчали
Поповы дочери.

Припев деревенских торгашей

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки важеватые¹,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мылá пахучие —

По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —
Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные
В перстенке, как жар, горят.
Есть и любчики² заветные —
Хоть кого приворожат!»

Начались толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!

¹ Важеватый — степенный, осанистый.

² Любчики. — В то время некоторые крестьяне верили, что бывают волшебные предметы, помогающие человеку быть здоровым, привлекательным и т. п. «Любчик» должен был помочь девушке привлечь любимого.

Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень...

Долго, долго все селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.

Две снохи за ленту пеструю
Распарпались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудаhtалась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь, вы жадны, как кутейники¹,
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

III

Уж ты пей до дна, коли хошь добра.
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина

За селом остановились,
Поделили барыши
И на церковь покрестились,
Повздыхали от души.
— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!
«В день теперя не отплюешься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь!»
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш.
«Кабы в строку приходились
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалились
До единого купца —

Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх!»
— Понагрел ты Калистратушку.
«Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого».
— Рыжий, клином борола.
«Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха:
Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.

¹ Кутейники — служители церкви.

Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабё неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника¹,
Что сказал — подлец седой!
— «Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Всё бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,

Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!» —

«Пропилися, подоконники²,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой! ты, зелие кабашное
Да китайские чан,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...»
— Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..

IV

Ая, барыня! барыня!
Песня

— «Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте почевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются

По дороге торгаши.
По реке идут — с бурлаками
Разговоры заведут:
«Кто вас спутал?»³ — и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

¹ Целовальник — продавец вина в кабаке.

² Подоконник — нищий.

³ Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование. (Примеч. Некрасова.)

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, — длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.
Сунул голову в лукошечко —
Старичок за холку хватить!
— Эй! еще, еще немножечко! —
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо, в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика:
Эх ты, пареный да вяленый!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валеный,
Надо новый покупать!»
Им обозики военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,

Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
— Чьи такие господа? —
«Кашпирята с Зюзенятами...»¹
Заяц! вон гляди туда!»
Всполошились борзители:
«Ай! а-ту его! а-ту!»
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.
— Счастье, Тихоньч, неровное,
Нынче выручка плоха.
«Встрелось нам лицо духовное»² —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост». —
Вот усадьбишка дворянская,
Завернем? — «Ты, Валя, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой! ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!

¹ «Кашпирята с Зюзенятами» — крестьяне помещиков Кашпировых и Зюзиных.

² «Встрелось нам лицо духовное...» — суеверная примета: встретить священника — не к добру.

У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Все подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Если нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче बारे не берут.
Чорт побрал бы моду новую!
А бывало встарину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящей косой,
Важеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Все сама руками белыми
Отбирает не спеша,
И берет кусками целыми —
Вот так барыня-душа!

«Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?»
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
«Подходи сюда, дружок!»
Подбегаю к ним скорехонько.
«Что возьмешь за короб весь?»
Усмехнулся я легахонько:
— Дорог будет, ваша честь. —
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
«Подбирай, честной народ!»
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!»

V

- Много ли верет до Гоголина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.

Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!

Извелась бы, неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилось
Молоднице нестерпеть,
Под косою трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и правом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей-женой,
По базарам разъезжаячи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи, румянький!»
Больше слова не скажу.

Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня,
Да к тебе и подвалилась бы:
— Поцелуй, дружок, меня!..»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой! пуста, пуста корбушка,
Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-заснобушка,
Не обманет мил-дружок!»
Весел Ванька. Припеваючи,
Пряником домой идет.
Старый Тихонич, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту почку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мощна-то пораздулася,
Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Процелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!»
И ударится рысцей.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником¹, то бродами.

¹ Кочажник — болото.

«Эх! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники,
Сбили с толку мужики:
— Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь. — Вот оне!
Чорт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал?»

— Бабы их клюкою меряли, —
Ванька с важностью сказал: —
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей.
«Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие...»
— Стой-ка, дядя, чу, идут!

VI

Только молодец и жив бывал!
Старинная былина

Не тростник высок колыхнется,
Не дубровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке.
Вот и добрый молодец:
— Путь-дорога, коробейнички!
«Путь-дороженька, стрелец!»
— Что ты смотришь?

«Не прохаживал

Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал?»
— Нет, почудилось тебе.
Трои сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?
«А, кажись, лицо знакомое»,
Шепчет Ванька старику.
— Что вы шепчетесь? — «Да каемся,
Лучше б нам горой итти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому?» — Нам по пути,

Я из Шуньи. — «А далеко ли
До деревни до твоей?»
— Верст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?
«Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несем назад».
Лесничок как расхохочется!
— Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось, не скоро бы
Шел ты, старый воробей! —
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
— Ой! легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевались воробушки,
Полетели отдыхать!
«Что, дойдем в село до
ноченьки?»

— Надо, парень, добрести,
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.

Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу. —
И с плеча ружье двустольное
Снял — и держит на весу.
— Эх вы, стволыки-голубчики!
Больно вы уж тяжелы. —
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
«Неужели, парень, бьет оно?»
— Бьет на семьдесят шагов. —
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тят да ляп!
Да и сам христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лыко вместо пояса.
А туда же, пес в ошейнике,
По прозвищу «Упырь».
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. «Далеко ли?»
— Вблизи. — «Что ты?» — У реки
Куропаточки закокали. —
И детина взвел курки.
— Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу! —

Коробейникам не пелося:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,

Понависнула роса.
«День-деньской и так умелешься,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. эй! в кого ты целишься?»
— Так, я пробую прицел...

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу бычки¹,
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит стороной, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица² ухает,
Чу! ребенком стонет сыч.
Поглядел старик украдкой:
Парня словно дрожь берет.
«Аль спознался с лихорадкою?»
— Да уж три недели бьет —
Полечи! — А сам прищурился,
Словно в Ваньку поровит.
Старый Тихоныч нахмурился:
«Что за шутки! — говорит. —
Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите полминуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду³
Он в канавке кончил век,
А жила богато смолodu,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседатели

¹ Бычки — тучки перед грозой.

² Ухалица — филин.

³ Не то от старости, не то от голода.

Упекли его в острог:
 Нужно было из Спиридова
 Вызвать Тита Кузьмича,
 Описались — из Давыдова
 Взяли Титушку-ткача!
 Ждет сердечный: «Завтра, нонче ли
 Ворочусь на вольный свет?»
 Наконец и дело кончили,
 А ему решенья нет.
 «Эй, хозяйка! пету моченьки,
 Ты иди к судьям опять!
 Изойдут слезами оченьки,
 Как полотна буду ткать?»
 Да не то у Степанидушки
 Завелось на уме:
 С той поры ее у Титушки
 Не видали уж в тюрьме.
 Захворала ли, покинула,
 Тит не ведал ничего.
 Лет двенадцать этак минуло —
 Призывают в суд его.
 Пред зеркалом¹, в облачении
 Молодой судья сидел.
 Прочитал ему решение,
 Расписаться повелел
 И на все четыре стороны
 Отпустил — ступай к жене!
 «А за что вы, черны вороны,
 Очи выклевали мне?»

Тут и сам судья покаялся:
 — Ты прости, прости любя!
 Вправду ты задаром маялся,
 Позабыли про тебя!

Тит — домой. Поля не браны,
 Дом растаскан на клочки,
 Продала косули, бороны,
 И одёжу, и станки,
 С баринком слюбилась женушка,
 Убежала в Кострому.
 Тут родимая сторонушка
 Опостылела ему.
 Плюнул! Долго не разгадывал,
 Без дороги в путь пошел.
 Шел — да песню эту складывал,
 Сам с собою речи вел.
 И говаривал старинушка:
 «Вся-то песня — два словца.
 А запой ее, детинушка,
 Не дотянешь до конца!
 Эту песенку мудреную
 Тот до слова допоет,
 Кто всю землю, Русь крещеную,
 Из конца в конец пройдет».
 Сам ее христов угодничек
 Не допел — спит вечным сном.
 Ну! подтягивай, охотничек!
 Да иди ты передом!»

ПЕСНЯ УБОГОГО СТРАННИКА

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
 Холодно, странничек, холодно,
 Холодно, родименький, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
 Голодно, странничек, голодно,
 Голодно, родименький, голодно!

¹ Зерцало — небольшая пирамида с указами Петра I, стоявшая на столе судьи.

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименький, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименький, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименький, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименький, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно!

Я опять во хлеба, —
Я опять во стада, —

и т. д.

С В О Б О Д А

Родина мать! по равнинам твоим
Я не ездая еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

Идет-гудет Зеленый шум,
Зеленый шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,

И все мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

* * *

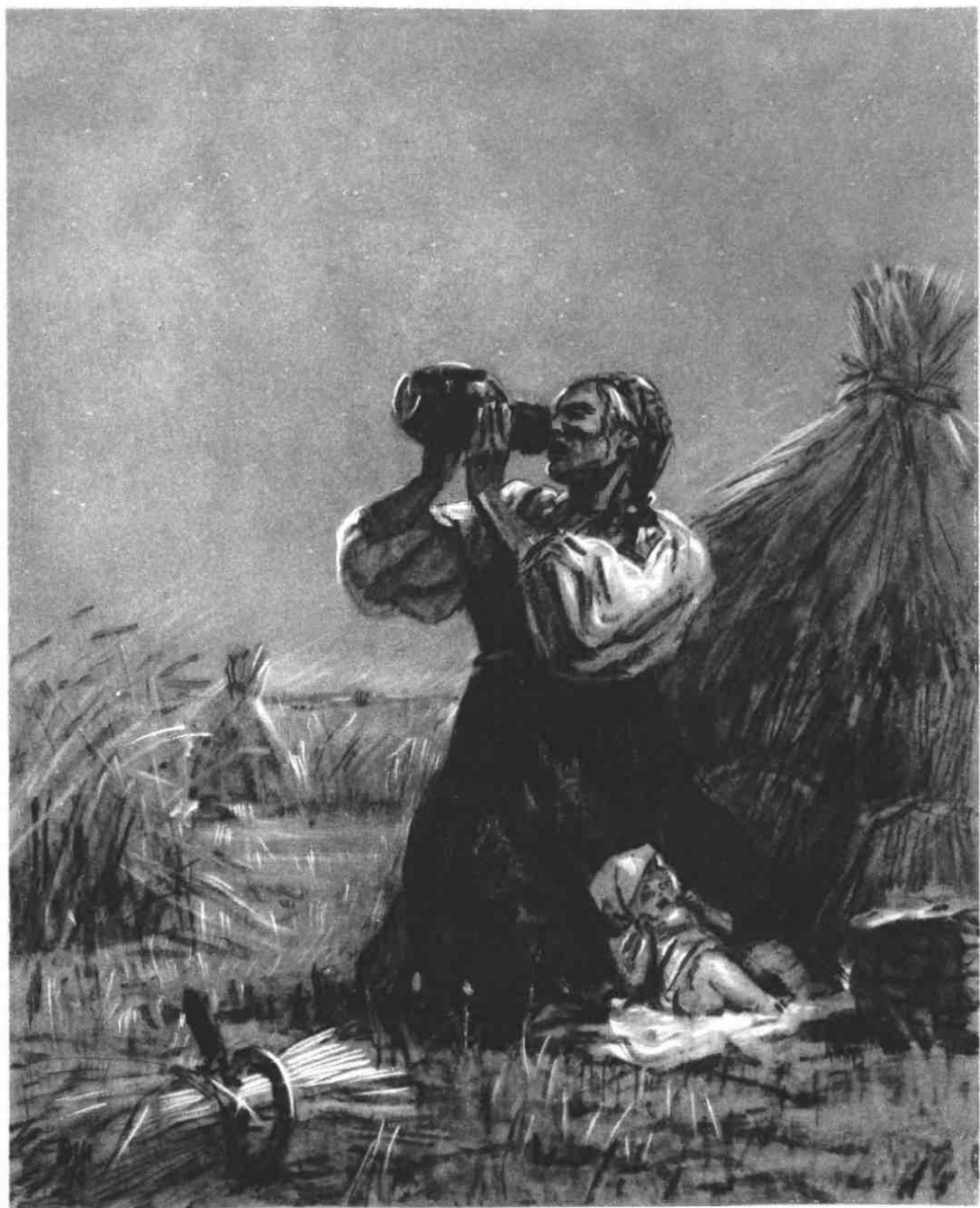
Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»

По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

* * *

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!..

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...¹

Из народной песни

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

— Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! Пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю. —
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сына не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не посмотрит на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатака,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,

Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...²»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
— Да с чего же привязалась
К парню хворость окаинная?

Хилый, что ли, был с рождения?.. —
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие³
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри, как шелковые...»

И опять молчит несчастная...
— Не молчи — развежь кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку? —

«Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

¹ Сухотница — заступница, печальница.

² Преставился — умер.

³ Рекрутское присутствие — комиссия по приему рекрутов (новобранцев) в армию.

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивался.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал,
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался:
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости! —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задыхался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалась головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Все ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналки,
Песни пел — такие хватские!

Артикул¹ ружьем выкидывал,
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль, стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше!»... Вижу — задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?...
К утру память воротилася.

Прошентал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он словно свеченька
Восковая, предъиконная!..

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

¹ Артикул — ружейные приемы («на плечо», «на-караул» и т. п.).

Ты опять упрекнула меня,
 Что я с музой моей раздружился,
 Что заботам текущего дня
 И забавам его подчинился.
 Для житейских расчетов и чар
 Не расстался б я с музой моею,
 Но, бог весть, не погас ли тот дар,
 Что, бывало, дружил меня с нею?
 Но не брат еще людям поэт,
 И тернист его путь, и непрочен,
 Я умел не бояться клевет,
 Не был ими я сам озабочен;
 Но я знал, чье во мраке ночном
 Надрывалось сердце с печали,
 И на чью они грудь упали свинцом,
 И кому они жизнь отравляли.
 И пускай они мимо прошли,
 Надо мною ходившие грозы,
 Знаю я, чьи молитвы и слезы
 Роковую стрелу отвели...
 Да и время ушло, — я устал...
 Пусть я не был бойцом без упрека,
 Но я силы в себе создавал,
 Я во многое верил глубоко,
 А теперь — мне пора умирать...
 Не затем же пускаться в дорогу,

Чтобы в любящем сердце опять
 Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую музу мою
 Я и сам неохотно ласкаю...
 Я последнюю песню пою
 Для тебя — и тебе посвящаю.
 Но не будет она веселей,
 Будет много печальнее прежней,
 Потому что на сердце темней
 И в грядущем еще безнадежней...

Буря воеет в саду, буря ломится
 в дом

Я боюсь, чтоб она не сломила
 Старый дуб, что посажен отцом,
 И ту иву, что мать посадила,
 Эту иву, которую ты
 С нашей участью странно связала,
 На которой поблекли листья
 В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
 Чу! как крупные градины скачут!
 Милый друг, поняла ты давно —
 Здесь одни только камни не плачут...

.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

I

Савраска увяз в половине сугроба —
 Две пары промерзлых лаптей
 Да угол рогожей покрытого гроба
 Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
 Савраску сошла понукать.
 Сосульки у ней на ресницах,
 С морозу — должно полагать.

II

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит.

В избушке — теленок в подклети',
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иглой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

III

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться.
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — все к счастью
 стремилось,
Все в мире по несколько раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.

Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

IV

Однакоже речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом париж, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди, косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

¹ Подклеть — нижний ярус избы, на зиму обращаемый в хлев.

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья,
Зато вам ее не узнать,
Как стонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. — «Утеха!»
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,
Что все их спасенье в труде.

И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята;
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

V

И ты красотой дивила,
Была и ловка и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезам невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

VI

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже споровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатой снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошласть:
Земля, как железо, звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могила на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово):
Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился.
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солища, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

VII

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «Ничего».
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постучал дурак деревенский
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вдохнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно!
И ваша пришла череда!

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван шивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помышлял — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

VIII

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сына обрядить.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщевой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

IX

Пока мертвеца обряджали,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накопело,
Из уст полилось рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит, —
Родные по Прокле завывли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел,

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей —

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умыться —
Слезами горючими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,

Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили —
«Покушай, желанный, родной!»

А сами напротив бы стали —
Кормилец, надёжа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

Х

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие.
Но вот уж толпа разбрелась.
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю поченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

XI

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце встало:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,

Зато на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.

Слышал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой,
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной.

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху —
Зима доконала его!..

XII

Случилось в глубоком сугробе
Полсутки ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Все худо! Его продавали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест...
Всемирно покорялся, как голубь, —
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,

Ходебщик¹ сергачевский Федя —
Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в десяти от села),
Где в некоей иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный.
Увидел жену, простонал
И умер..

XIII

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Поппы ожидают — иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек

¹ Ходебщик — торговец-разносчик.

Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок,

За Дарьей — соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет»,
Согласно решили они...

XIV

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «мир тебе, Прокл Севастьяныч! —
Сказал: — благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки, —
Уж как тебя бог выручал, —
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вот она, жизнь человечья!»
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалимся... не минуть и нам!..
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землю лопатой
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..» народ говорил.

XV

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова...

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

XVI

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит, и визжит, и за сердце
скребет.

Кругом — поглядеть нету мочи —
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

XVII

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале — деревья все выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени¹,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал.

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,

¹ Пени — жалобы.

Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Большое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

XVIII

Не псарь по дубравушке трубит,
Гогочет сорви-голова, —
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы все льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку, — и, смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела и кругла и плотна.

А та на глазу поблестает,
Стрелой по щеке побежит,

И солнышко в ней поиграет..
Управится Дарья спешит,

Знай рубит, — не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовёт его, с ним говорит...

XIX

.
.

«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Станут качать.
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

XX

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!

Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,

Поле сохи запросило,
Травушки просят косы.

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить!..

XXI

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку. —
Хочешь — не хочешь, одна поспевай!..

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,

Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,
Видишь — зерно потекло...

Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

XXII

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом.
Вижу — меня оступает
Сила — несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помощи,
Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:

«Видишь, меня оступает
Сила — несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?..
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я,

Стану без милого жать,
Снопики крепко вязать,
В снопики слезы ронять!

Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господа нужны,
Чем ему дороги вы?..

XXIII

Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы, как праздника, ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стали на свадьбу копить понемногу...
Вот — дождались, слава богу!

Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..

XXIV

Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая.
В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе:
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток — Гришуха да дочка,
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за что, ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

Нет! не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

XXV

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сбела — пошла.

Ветер шумит, намедает сугробы,
Месяца нет — хоть бы луч!
На небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..

Заяц спрыгнул из-под кочи.
Зайнышка, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней, —

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завывала,
Заголосила в лесу.

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношение несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной, —

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чуждедальная,
Долгую нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине
крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! все отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

XXVI

Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь итти, а нейдю!
Думала я, что едва ли
Прокля в живых я найду...

Нет! не попустит царица небесная.
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом...

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилась зёмным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII

Долго меня продержали —
Схимницу¹ сестры в тот день погребали.

Утренья шла,
Тихо по церкви ходили монашینی,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер, словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются четки,
Писанный венчик на лбу,
Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталась я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

XXVIII

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложились к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Только ты милости к нам не явила!
.....
.....
Господи! сколько я дров нарубила.
Не увезешь на возу...»

XXIX

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали.
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

¹ Схимница — монахиня.

XXX

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи, —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу, ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

XXXI

«Вглядишь, молодница, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,

Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы из льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построят народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных и пеших,
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Пощадрюем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

«Тепло ли тебе, молодница?»
С высокой сосны ей кричит.
— Тепло! — отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
«Тепло ли?..» — Тепло, золотой! —

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?» промолвил опять,
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрывала,
Топор уронила к ногам.

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,

Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

XXXIII

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но ската, — полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

— Бог помочь! А где же Гришуха?... —
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», сказала старуха.
— Гришуха! — отец закричал,

На небо взглянул. — Чай, не рано?
Испить бы... — Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

— Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава! —

Гришуха черён, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал баушку, матку,
Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горох аппетитно жуёт
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

XXXIV

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятка, с собой! —
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — не важное дело!..
Девчонок не надобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
— Довольно с тебя одного!
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покати.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.

И Дарьюшка долго смотрела,
От солища рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетаю за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней должного счастья предел.

В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

XXXV

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(Посвящается детям)

—
Ваня (в кучерском армячке).
Папаша! кто строил эту дорогу?

Папаша (в пальто на красной подкладке).
Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

(Разговор в вагоне)

I

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

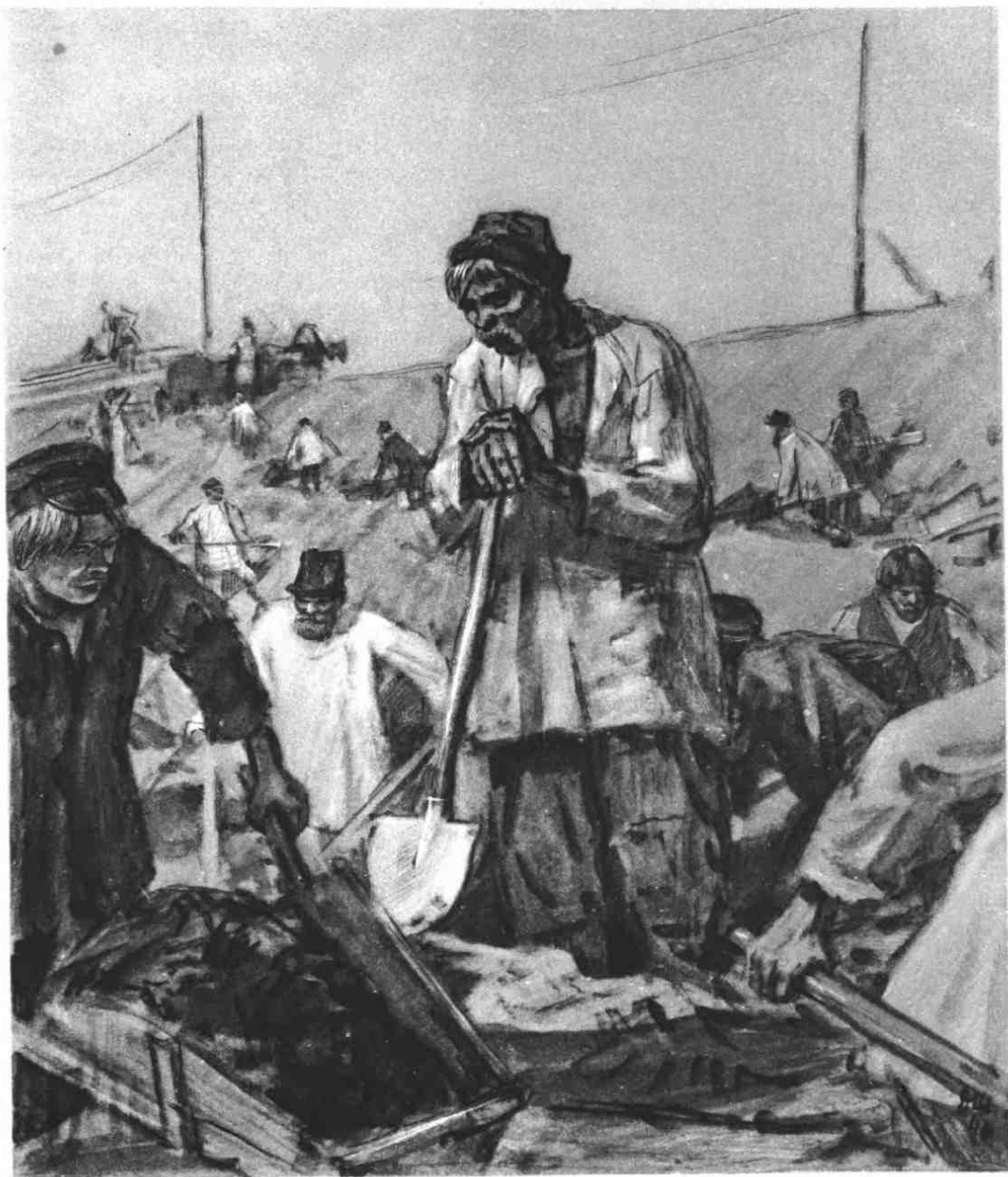
Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?... «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой.

Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божины ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорусс:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня,

внимательно:

Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: туло молчит
И механически ржавой лопатой
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору
прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный»,
Ваня сказал: «тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:
«— Вот они — нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана¹,
Что же... все это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы² и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал! —
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англо-сакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

¹ Святой Стефан — старинный собор в Вене

² Термы — древнеримские бани.

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Все заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Дá вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь.
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздний народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

С богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим винаставляю
И — *недоимку дарю...*»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1867

* * *

Из «Медвежьей охоты»

Делинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и рабопествуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!»
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил об народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Недаром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,
Но, пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стбишь ты венца,
И разум твой горел не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя —

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя, —

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «Пора в могилы!»

* * *

*(Посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение
«Не может быть»)*

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставляю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;

Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов все больше на пути —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет;
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

СТИХОТВОРЕНИЯ,
посвященные русским детям

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки
Якова.

Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне — ему ничего,
Знает, где люди: и куплю и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе все, что полюбится, — на! —
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утех —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, шуки,
Киты, лошады!
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— Стой, старина! — Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кугерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодежи,
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Все — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорек торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
— Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,

Не дорожись! —
«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь — бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны:
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятшек —
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей, утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...

По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили —
«Будет вам пряников; нате-ка вам!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.

Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II

ПЧЕЛЫ

Натко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес и луга вдалеке,
Ну — и летит, — ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил нехватает у милой. — Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;

«Вы бы им до суши вежи поставили»,
Это он слово сказал!

Веришь: чуть первую вежу зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят. —

На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здоровье, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом.
Мед с караваем парнишка докушал.
Тятину притчу тем часом прослушал,
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»

— Что ты? с мишкой? —
«Ничего!

Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!»
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен, —
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка, как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;

Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал», смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!

Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Нехватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут не гоже!
Собрался честной народ,
Все село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради¹,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

¹ Старинное выражение: потехе рады.

Раз в кураже¹ я их звал-поджидал
Целую ночь — никого не видал!

За день грибов собираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо, как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять².

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалят дедушка — заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею!

«Вот так охотник!» Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

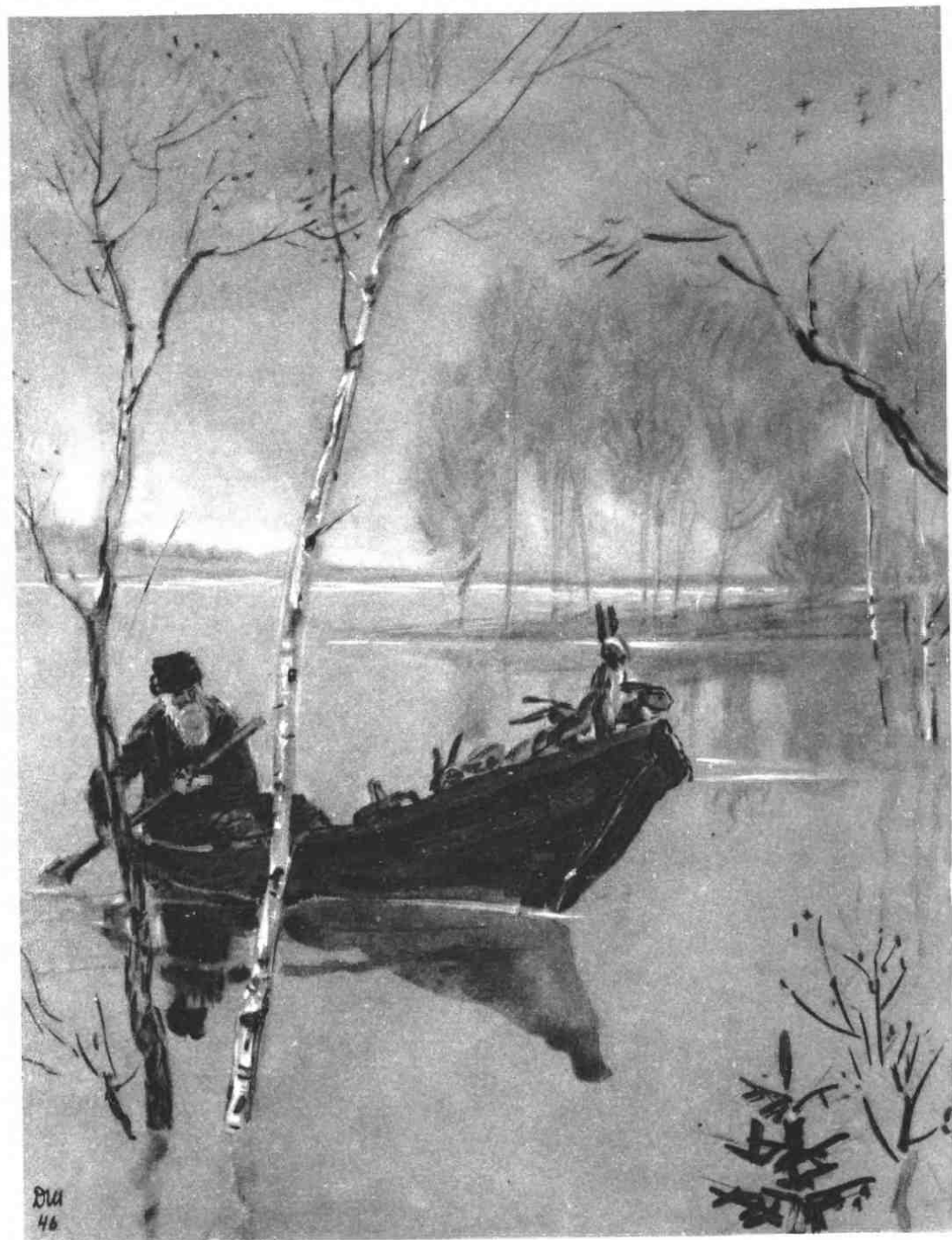
Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! Бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —

¹ В кураже — в задоре.

² Пуделять — стрелять мимо цели.

Зайцы на нем собрались гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,

Меньше сажени в длину.

Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! — сказал я: — не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло;
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:

«Глянь-ка: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух

Пошли зайчишки.

А я им: «у-х!

Живей, зверишки!

Смотри, косой,

Теперь спасайся,

А чур зимой

Не попадайся!

Прицельсь — бух!

И ляжешь... Ууу-х!..»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат — и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок: из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стрелка!
Я проводил их все тем же советом:

«Не попадайтесь зимой!»

Я их не бью ни весной, ни летом:
Шкура плохая — линяет косой!..»

II

СОЛОВЬИ

Качая младшего сына,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, —
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девы красные поют.
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только — (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене — тут много их ловили,
Ну, испугались сетей,
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал наш дед,
Весна, а роща, как немая,
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить! —

На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибует..
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГНИН М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

(Бабушкины записки)

(1826 — 27 гг.)

Глава I

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..» По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я все рассказала, доступное вам
По вашим ребяческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом — и цветы
С могилы сестры-Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет...
Пускай берегут его свято:

В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Войнская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли
И в месяц иной не zapomним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный,

с пульей в груди,

Он вновь через сутки сражался.
Так летопись жизни его говорит:
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя;
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевает. Войниственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в героя.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пирь задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда

В то время паричею бала:
Очей моих томных огонь голубой
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть...
Отец за меня постарался:
«Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотре... и у нас он бывал,
По парку с тобой все шатался!»
— Да, помню! Высокий такой генерал...
«Он самый!» Старик засмеялся...
— Отец! он так мало со мной говорил! —
Заметила я, покраснела...
«Ты будешь с ним счастлива!» круто
решил
Старик, — возражать я не смела...

Прошло две недели — и я под
венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась:
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,

С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова
беда!

Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он
был.

Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо.

Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: «Мы поедем сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Все скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три
дня,

Сергей был утрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава II

«Уехал!.. Что значила бледность его
И все, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Все кончится ладно, родная:
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем-сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. — Еще не бывал!
«Писал ли?» — И писем нет даже.
«А где мой отец?» — В Петербург ускакал.
«А брат мой?» — Уехал туда же.

«Мой муж не приехал, нет даже
письма,

И брат и отец ускакали», —
Сказала я матушке: — «Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И все, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» отца я спросила.

— В Молдавию муж твой ушел воевать.
«Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели, — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней
тайной грозы.

Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, —
И он и кругом все молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удваивал горе...
Узнала, узнала я все наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?..» В уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла
приговор,

Вникая в слова роковые;
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал? —

Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся!»
Так думала я. — «Пусть беда велика,
Не все потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула, — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру, — расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Все время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни
друзей...

Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь в ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..
Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доныне о мщеньи они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу
с сестрой.

Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом пас привел генерал пожилой
В обширную мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз,
Минуты казались часами

Шаги постепенно смолкали вдали
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела,
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
— Жена!.. — Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смел...

— Вот он! — громогласно сказал
генерал.

И я увидела Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было,
чем в прежние дни,

Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они
И радостью вдруг заблестали,
Казалось, он в душу мою заглянул...
Я горько, припав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
«Здесь есть посторонние люди».
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель: нам было неловко...
Сергей на одежду свою показал:
«Поздравь меня, Маша, с обновкой»,
И тихо прибавил: «*Пойми и прости*» —
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала

Найти тебя в этой одежде»,
И тихо шепнула: «*Я все поняла,
Люблю тебя больше, чем прежде...*» —
«Что делать? И в каторге буду я жить
(*Покуда мне жизнь не наскучит*)». —
«Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(*Ведь каторга нас не разлучит*)?».

«Так вот ты какая!» Сергей говорил,
Лицо его весело было...

Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я — мой мужу остался..
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок

миновал —

Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
«*Мой друг, ты свободна. Пойми — не
пейняй!*»

*Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...»*

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я все испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась,

И время пришло: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас услышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно,
друзья,

Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось..
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
«На что ты решилась?» — Я еду! —
Отец промолчал... промолчала семья..
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я..
Вдруг входит отец, — я вздрогнула..
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?

Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу!»
И ждал он ответа и взгляд мой ловил,
Лаская меня и целуя..
«Я сам виноват! Я тебя погубил!»
Воскликнул он вдруг, негодуя:
«Где был мой рассудок? Где были глаза?
Уж знала вся армия наша...»
И рвал он седые свои волосы:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молил горячо..
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
«Поеду!» я тихо сказала..

«Посмотрим!..» И вдруг распрямылся
старик,

Глаза его гневом сверкали:
«Одно повторяет твой глупый язык:
Поеду! Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать и отца? Или глупы они..
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой!..»

Ушел он грозный и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Глава III

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию мать на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал

Подумать... нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?
Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я

В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.

Я все испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.

Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:

И мать, и отца, и дитя, наконец, —
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — Я долг исполняю, отец! —
«За что ты себя обрекаешь
На муку?» — Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Все буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я, — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шопоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решение.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным отцом?..»
И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренья навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой,
Я в нем полюбила героя...

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою...
Вы знаете, где мы увиделись вновь, —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!
Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.

Терновый венец пад его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего,
И нас научил ты тому же...
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельной сраженье, —
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решение!

Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!»
И вышел; молчали уныло
И братья и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча, ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала.
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
О дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен.) Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — изволил хвалою почтить

Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволение;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...

Волнение

Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!...»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь
собралась,

Все ценное я заложила,
Надежною шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе, упав на ручки его
Лицом, я шептала рыдая:
«Прости, что тебя для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»

А он улыбался; не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...

С рассветом

Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щеки его заалели.

С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...

Я вмиг собралась.

Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Все милое, все дорогое
Теряю... нет счета печальных потерь!...»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица, —
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!»
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!...»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!...»

Я упала...

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.

«Прощайте, родные!» В декабрьский
мороз

Я с домом отцовским рассталась
И мчалась без отдыха с лишком три
дня;

Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла»...
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
«Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобой?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! все будет во вкусе твоём.
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы...»

И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Внимание Москвы занимали:
Едва огласилось решение суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:
«В Европе — сапожник,
чтоб барином стать,
Бунтует, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились бывшие тузы-старики
С отменно-учтивым приветом:
Старушки статс-дамы бывшего двора
В объятья меня заключали:
«Какое геройство!.. Какая пора!..»
И в такт головами качали.

Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Все вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:

Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Все наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелю вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной
косой,

Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела, — и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.
«Молчите! идет гувернантка моя!»
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли.) Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.

Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде
сказать,

В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевести иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел все дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятия, спускался он вниз

И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...
Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата нанутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь
роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты

Не стóбит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный
хлад

И пылкую правду объемлет...
Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.

Да, верю! недолго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пусть долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но свет Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.
Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидится можно:
Мне царь «Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,

Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвачу,
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал...»
Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни... Наслушаться дайте!..»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер, — не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни...
О, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас
храни!»,
Прощаясь со мной со слезами...

Глава V

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: бывшая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок-старушек.

Почтовая тройка, фигура купца
На гряде перин и подушек;
Казенная фура! с десятком подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены:
«Уводят, уводят сердечных в полки!»
Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —

Ругаются, спорят, толкуются.

«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,

Попы у харчевни дерутся;

У кузницы бьется лошадка в станке,

Выходит весь сажей покрытый

Кузнец с раскаленной подковой в руке:

«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал.

На жестком диване уснула;

Из окон гостиницы видела бал

И, каюсь, глубоко вздохнула!

Я вспомнила: час или два с небольшим

Осталось до нового года.

«Счастливые люди! как весело им!

У них и покой и свобода,

Танцуют, смеются!.. а мне не знать

Веселья... я еду на муки!..»

Не надо бы мыслей таких допускать,

Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,

Что будто ее воротили:

«Но я не боюсь — позволение со мной!»

Часы уже десять пробили,

Пора! я оделась. — Готов ли ямщик?

«Княгиня, вам лучше дожидаться

Рассвета», заметил смотритель - старик:

«Метель начала подыматься!»

— Ах! то ли придется еще испытать!

Поеду. Скорей, ради бога!..

Звенит колокольчик, ни зги не видеть,

Что дальше, то хуже дорога,

Поталкивать начало сильно в бока,

Какими-то едем грядями,

Не вижу я даже спины ямщика:

Бугор намело между нами.

Чуть-чуть не упала кибитка моя,

Шарахнулась тройка и стала.

Ямщик мой заохал: «Докладывал я:

Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,

Кибитку рогожей закрыла,

Подумала: верно, уж полночь близка,

Пружинку часов подавила:

Двенадцать ударило! Кончился год,

И новый успел родиться!

Откинув циновку, гляжу я вперед —

Попрежнему вьюга крутится.

Какое ей дело до наших скорбей,

До нашего нового года?

И я равнодушна к тревоге твоей

И к стонам твоим, непогода!

Своя у меня роковая тоска,

И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.

«Зимовка тут есть недалеко»,

Сказал он: «рассветаждемся мы в
ней!»

Подъехали мы, разбудили

Каких-то убогих лесных сторожей,

Их дымную печь затопили.

Рассказывал ужасы житель лесной,

Да я его сказки забыла...

Согрелись мы чаем. Пора на покой!

Метель все ужаснее выла.

Лесник покрестился, ночник погасил

И с помощью пасынка Феди

Огромных два камня к дверям привалил.

— Зачем? — «Одолели медведи!»

Потом он улегся на голом полу,

Все скоро уснуло в сторожке,

Я думала, думала... лежа в углу

На мерзлой и жесткой рогожке...

Сначала веселые были мечты:

Я вспомнила праздники наши,

Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, задравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Все милое, все дорогое —
Но где же Сергей?.. И, подумав о нем,
Забыла я все остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы, по мере пути,
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука.
Что делать? Стихи вспоминаю, пою, —
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А все-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Цыновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты — и целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки»¹,
Сказал мой ямщик: «мы увидим ее,
Она, чай, идет недалече...»

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.

При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне сижу, поджидаю...
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо, —
Черты были злы и суровы, —
И, выпустив изо рта дыму кольцо,
Сказал: «Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!..»
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
«Здоровы!» сказал он: «я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!..»
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!

Путру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебн служить попросила...
Все было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!

¹ Обоз с серебром.

За что мы обижены столько,
Христос?

За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе не обидно...

(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снега — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути, —
К несчастью, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тароватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям и бане...
А праздник, как мертвая, весь проспала
В гостинной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, — Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— Они в Благодатске! — Я бросилась
к ней,

Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой
Сергей
И Катя со мной Трубецкая!

Глава VI

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне негаданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
— Устала, устала я, Маша!

«Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.

Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом.
И обе достойно свой крест понесем,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Немного!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!*
Найдем мы униженных, скорбных мужей.
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва, — мы все отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы неврединно пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатили мы лихо..
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
«На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку;
Двугривенный дали — я брать не хотел:
— Возьми, паренек, пригодится...»

Болтая, он живо в село прилетел.
«Ну, барыни! где становиться?»
— Вези нас к начальнику, прямо в
острог.
«Эй, други, не дайте в обиду!»

Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил: по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— Застряла, застряла, голубушка, там!
«Вот копия, нам ее дали...»
— Что копия? с ней попадешься
впросак!

«Вот царское вам позволение!»
Не знал по-французски упрямый чужак,
Не верил нам, — смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Николай?»
До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,
Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
«Да точно ли?...» — Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!..

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны.
Не то уж случалось с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...

Проснувшись я рано, а Катя спала.
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
— Не здесь ли преступники?

«Здесь, да ушли».
— Куда? — «На работу, вестимо!»
Какие-то дети меня повели...

Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
— Вы видите их? — я спросила детей.
«Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Пойдем мы
теперь,
Прощай!..» Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнании, где я ни была,
Все трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...
«Вас в каторге самый закон не спасет!»
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменный:

«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!..

Рыданиям моим часовой уступил,
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускалась все ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула.

Вперед
Впотьмах наугад побежала...
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,

Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расклин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась...
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась...
Я сбросила шубу... Бегу на огонь, —
Как бог уберет во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, задевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! работа, движение...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали...
Вот ближе, сильнее замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то, стоявший на самом краю,
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не в
раю.

Проклятая шахта похожей
На ад! — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

— Волконская! — вдруг закричал
Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялась стрелой!
Все люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев.
Борисовы, князь Оболенский...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участья...

— Но где же Сергей мой? — «За ним
уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России, —
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала.
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закут — я не знала...)
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастью, были при мне
С приветом из края родного;
Спешила я их передать. Между тем
Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!..» (Но никто не подставил ее...)
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..»
Но мы

Все вглубь уходили... Отсюда
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше

По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул:

«Идет он! идет!»

Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед, —
Канавы были перед нами.

«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели»,
Сказал Трубецкой. «Чтоб на горе нам

всем

В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цени! Палач не забыл ничего
(О, мстительный трус и мучитель!),
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком: «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...

И я подбежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки.
Он много страдал, и умел он страдать!..
Невольно пред ним я склонилась
Колени — и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи, — в мгновенье
И говор и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы,
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Все тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами

делил

И горечь и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна. —

«Да где же вы все запропали?»
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите!» сказал со слезами старик:
«Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Внизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски

сказал:

«Увидимся, Маша, — в остроге!..»

И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощение:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзвuky,
И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта. —
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(ПРОРОК)

—

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только
в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему
любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог гнева и печали
Царям земли напомнить о Христе.

Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей.
Идут — перекосятся!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночьку целую
Так шли, куда — не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы, на ночь гляючи,
Надумали итти?..»

Спросила, засмеялась,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

— Куда?.. — Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглись звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходакам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак, ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали — не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому,
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,

Ругательски ругаются,
Немудрено, что вцепятся
Друг другу в волосы...

Гляди — уж и вцепились!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими,
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как вострепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая

Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималась,
Да всякий раз сбивалась
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
подавишься ты колосом —
Не будешь куковать! ¹

Слетелись семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших деревьев,
Хохочут полуночники!
А их глазницы желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да чорту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала
Людские голоса, —
Пришла к костру, устала
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка:

¹ Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ).
(Примеч. Некрасова.)

Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова — замоскворецкая
Княгиня — тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И чорт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намаяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укатишься,
Щелкну — мертва покатишься,

А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

— «Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

— «Да по ведру бы водочки», —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

— «Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку», —
Шутили мужики.

— «А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

— «А вечером по чайничку
Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: все прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

— «Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь?

— «Дам хлебушка

По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

— А где, пичуга милая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?

— «Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

— Скажи!

— «Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»
По вашему хотению,
По моему велению,
Все явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом: —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одёжу старую
На нас заворижи!

— Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

— Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились, —
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубашах не плодилась, —
Потребовал Лука.

— Не прели бы онученьки... —
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
— «Все скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный
По малу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилась пепочка
И на лету прибавила:
— «Смотрите, чур одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится

По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком.
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, верпехонько
По лесу, по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялись
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

— А что же нет огурчиков?

— Что нет чайку горячего?

— Что нет кваску холодного?

Все появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселись,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведуют
Как ни на есть — доподлинно:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро, как убитые,
Заснули мужики...

Глава I

П О П

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.

По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,

Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые
У речек, у прудов...
Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы

бедные

Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит.
Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой, избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Все больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?

Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются,
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

— Небось! мы не грабители! —
Сказал попу Лука.
(Лука — мужик присадистый,
С широкой бородищей,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось, не полетит.)

— Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Узда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень —
Заплатава, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,

С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем...

— «Даю вам слово верное:

Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь!..»

— Спасибо. Слушай же!

Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузу,
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — одумали:

Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: «Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте!»

— Начинай!

«В чем счастье, по-вашему?
Покой, богатство, честь?
Не так ли, други милые?»

Они сказали: «Так»...

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой?*
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Половскому сынку,
Какой ценой поповичем

Священство покупается,
Да лучше помолчим!

.

Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые
И в половодье вешнее
Иди — куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни, —
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..»

Крестьяне мало думали.
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
— Что скажешь нам еще?

«Теперь, посмотрим, братия,
Каков попу почет?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас...

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?

Чур! отвечать на спрос!»
Крестьяне позамялися,
Молчат — и поп молчит...

«С кем встречи вы бонтеся,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!»

Кряхтят, переминаются,
Молчат!

«О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чествуете вы?

Кому вдогон, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?..»

Потупились ребятушки,
Молчат — и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонushка
Одной сплошную тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,

Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из споров.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается, —
Быть сильному дождю.
А правая сторонushка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...»

— Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!

«Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время недалекого
Империя российская
Дворянскими усальбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!

Плодились и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалось,
Что жил помещик в городе,
Так умирать навсрное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирыамам праздник
праздником...

А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой, холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позаконаны?
В какой земле вас нет?

Потом, статья... раскольники...
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем,
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православьи
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Все в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов...¹
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается
И рад бы дал, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.

Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрылся
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там — неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях — вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!²
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь, прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,

¹ Воздухи — вышитые платки, употреблявшиеся при богослужении в церкви.

² Кругая радуга — к вёдру; пологая — к дождю. (Примеч. Некрасова.)

Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу¹ воздаяние;
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой... Аминь...»

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступились,
Низенько поклонились,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорились,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку:

— Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же, лезет в спор!
Дворяне колокольные —

Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!
Попова каша — с маслицем,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с сметком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!

Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатою?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И по сей час козел!..

Лука стоял, помалчивал
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да, к счастью крестьянина,
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

¹ Треба — выполнение церковного обряда.

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА

Недаром наши страпники
 Поругивали мокрую,
 Холодную весну.
 Весна нужна крестьянину
 И ранняя и дружная,
 А тут — хоть волком вой!
 Не греет землю солнышко,
 И облака дождливые,
 Как дойные коровушки,
 Идут по небесам.
 Согнало снег, а зелени
 Ни травки, ни листа!
 Вода не убирается,
 Земля не одевается
 Зеленым ярким бархатом
 И, как мертвец без савана,
 Лежит под небом пасмурным
 Печальна и пага.

Жаль бедного крестьянина,
 А пуще жаль скотинушку;
 Скормив запасы скудные,
 Хозяин хворостиною
 Прогнал ее в луга,
 А что там взять? Чернехонько!
 Лишь на Николу вешнего¹
 Погода поуставилась,
 Зеленой свежей травушкой
 Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
 Крестьяне пробираются,
 Гуторят меж собой:

«Идем одной деревнею,
 Идем другой — пустехонько!
 А день сегодня праздничный.
 Куда пропал народ?..»
 Идут селом — на улице
 Одни ребята малые,
 В домах — старухи старые,
 А то и вовсе заперты
 Калитки на замок.
 Замок — собачка верная:
 Не лает, не кусается,
 А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
 В зеленой рамке зеркало:
 С краями полный пруд.
 Над прудом реют ласточки;
 Какие-то комарики,
 Проворные и тощие,
 Вприпрыжку, словно посуху,
 Гуляют по воде.
 По берегам, в ракитнике,
 Коростели скрипят.
 На длинном, шатком плотике
 С вальком поповна толстая
 Стоит, как стог подципаный,
 Подтыкавши подол.
 На этом же на плотике
 Спит уточка с утятами...
 Чу! лошадиный храп!
 Крестьяне разом глянули
 И над водой увидели
 Две головы: мужицкую,
 Курчавую и смуглую,

¹ Никола вешний — 9 мая по старому стилю.

С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую — лошадиную
С веревкой сажен в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет — и конь плывет,
Мужик заржал — и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенём.
Догнал коня — за холку хват!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

— А что у вас в селении
Ни старого, ни малого,
Как вымер весь народ?
«Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка.
И праздник храмовой».
— А далеко Кузьминское?

«Да будет версты три».

— Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку! —
Решили мужики,
А про себя подумали:
Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По кособоку тянется,

Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: «Училище»,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен).
Есть лавки постоянные
В подобие уездного
Гостинного двора...

Пришли на площадь страпники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного,
А словно пред иконами
Без шапок мужики.
Такая уж сторонущка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки¹:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоянных двориков
Да «ренского погреб»²,
Да пары кабаков,

¹ Шлык — крестьянская шапка.

² Ренсковый погреб — лавка, где продавались виноградные вина.

Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики — молодчики
Наметанные, дошлые,
А все им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянских рук со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце внешнее...
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовые,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится и дуется
Подол на обручах!¹
Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных гляючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:

«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье внешнее
Стоит до Петровá!²
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не поднимаются,
А хлеба хоть не сей!»

— Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!

«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной потолкались,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бóроны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится,
Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!

¹ Подол на обручах — кринолин (широкая юбка на стальном каркасе).

² Петров день — 29 июня по старому стилю.

Пьяненок! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плеваю,
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:

Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Издельем кимряков¹.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмаки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар — первейший сорт!
— Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай! —
Сказал ему купец.
«А ты постой!» Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Таковую держит речь:

«Мне зять — плевать, и дочь
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
на шею, егоза:
Купи гостинчик, дедушка,
Купи! — Головкой шелковой

Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.
Постой, ползуныя ббсая!
Постой, юля! Козловые
Ботиночки куплю...»
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
«Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?..

Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!..» Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных,
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников.
(Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевичку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоянных двориках,
В харчевнях, в кабаках.)
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.

¹ К и м р я к и — кустарн-сапожники села Кимры.

Вавило их схватил
И был таков! — На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени¹ запасались
Своим товаром в ней.
— А генералов надобно? —
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней».

— Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою. —
Тут дело не в комплекции...

— «А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать невзрачного,
Попасть на доку надобно,

А толстого да грозного
Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с горю, глаз навывкате,
Да — чтобы больше звезд!»
— А статских не желаете?
«Ну, вот еще со статскими!»
(Однако взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец — со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки — первый вор!),
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...²
Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Чорт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?

¹ Офени — мелкие торговцы, разносившие по деревням свой товар (главным образом лубочные картинки и книжки).

² Блюхер — генерал; командовал прусско-саксонской армией в битве при Ватерлоо (1815). Архимандрит Фотий — влиятельный церковник, один из вдохновителей реакционной политики Александра I. Разбойник Сипко — мошенник, судившийся в 1860 году за изготовление фальшивых ассигнаций. «Шут Балакирев» — название лубочной книжки, где собраны анекдоты о Балакиреве, шуте Петра I. «Английский милорд» — лубочный роман XVIII века.

Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?»
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
— Тебе какую дверь?
«Да в балаган. Чу! музыка!..»
— Пойдем, я укажу!

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому¹, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки шелкает,

А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
— Откуда, молодцы?
«А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!»

— И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!²
Цимлянское³ — живей!..

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребятток угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается.

¹ Хожалый — рассыльный при полиции.

² Полпиво — прохладительный напиток.

³ Цимлянское — дешевое вино.

Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалось,
Как вышли на пригорочек,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую

С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —
Тут трезвому, что голому,
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село...

Глава III

ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахтались пьяные,
И стоном стон стоял!

Скрипят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палат по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Чтó море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник писарю:
Прошение изготовили
К начальнику губернии...»

— Эй! с возу куль упал!

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка.

Ты, как блоха проворная,
Наелась — и упрыгнула,
Погладить не далась!»

— Добра ты, царска грамота,
Да не про нас ты писана...

«Посторонись, народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

— А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!

«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники:
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою —
Так это наплевать!»

— Куда ты скачешь, Саввушка?
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
«В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили...» — «Эх!.. грехи!..»

— Худа ты стала, Дарьюшка!
«Не веретенце, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...»

«Эй, парень, парень глупенький,
Оборванный, паршивенький,
Эй, полюби меня!

Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал:
— Что делаешь ты тут?
«А хороню я матушку!»
— Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось соскочит дурь!

— «А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилиются и тужатся,
Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
— «Да будет вам, проклятые!»
Не разольешь водой!

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «Домой итти
Тошнее, чем на каторгу!»

Другая: «Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок — плевок, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять все нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..»

— «Ну, полно, полно, миленький!
Ну, не сердись!»

За валиком

Неподалеку слышится:
«Я ничего... пойдем!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут друженько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловухи поют...

Дорога многолюдная
Что позже — безобразнее:
Все чаще попадают
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споет, записывая!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валяются —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать,
Да выискался пьяненький
Мужик — он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал, — да вдруг
Как вскочит!

Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!
«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем;

Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведро с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а так же маются,
Уж лучше б пили, глухие,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда,
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые, —
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил — съел с горошину:
— Эй, богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!

Сладка еда крестьянская!
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три долька:
Бог, царь и господин!

А есть еще губитель-тать¹
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Всё слопаёт один!
У нас пристал третьюводни
Такой же барин плохонький,
Как ты, из-под Москвы,
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угодя меряет,
Иной в селеньи жителей
По пальцам пересчет,
А вот не сосчитали же,
По скольку в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому!
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,

¹ Т а т ь — вор.

Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочкам, по зажоринам
Ползком ползет с плетухами —
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкой
Изъеденные в кровь, —
Небось, мы тут красивее?

Жалеть — жалея умеючи.
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная —
Гневна, грозна, — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается,
Пошла по жилам чарочка,
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно, —
Гляди кругом, — возрадуйся!
Ай, парни, ай, молодухи,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,

А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Беспашочное, пьяное,
Шуми — вольней шуми!..»

— Как звать тебя, старинушка?

«А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, пужды нет!
Пиши: *«В деревне Босове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»*

Крестьяне рассмеялись
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет — с сохою возится,
А смерть придет Якимухе —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

С ним случай был:

картиночек

Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелася —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой, брат Яким!

не дешево

Картинки обошлись!
За то и в избу новую
Повесил их, небось?»

— Повесил — есть и новые, —
Сказал Яким — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Крестьяне как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: «Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?»

«Да, бог милостив!»

— Ну, выйди с нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

«Ай, барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким):
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по́ земи —
Не видят неба век!..»

Вдруг песня хором грянула,
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валяются,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,

По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век — что день без солнышка,
Мой век — что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж
Напился пьян, храпом храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»

Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» кричит ревнивый муж,
Привстал — и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!

Иван кричит: «я спать хочу»,
А Марьюшка: «и я с тобой!»
Иван кричит: «постель узка»,
А Марьюшка: «уляжемся!»
Иван кричит: «ой, холодно»,
А Марьюшка: «угреемся!»
Как вспомнили ту песенку,
Без слова — согласились
Ларец свой попытать.

Одна, зачем — бог ведаст,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взяли
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.
Крестьяне подкрепились,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешались
В толпу — искать счастливого:
Им крепко захотелось
Скорей попасть домой...

Глава IV

СЧАСТЛИВЫЕ

В толпе горластой, праздничной
Показывали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,

Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром, сколько вздумаешь —
Наславу угостим!..»
Таким речам неслыханным

Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тощбй, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастье не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
— А в чем же?

«В благодуществе!

Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я!»
— А где возьмешь косушечку?
«Да вы же дать сулилися...»

— Проваливай! шалишь!..

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая,
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А впоперечь — аршин!»
Над бабой посмеялись,

А водки капли не дали:
«Ты дома вышей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями.
Чуть жив, а выпить хочется:
«Я счастлив!» говорит.

— Ну, открывай, старинушка,
В чем счастье солдатское?
Да не таись смотри!
«А в том, во-первых, счастье,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А, во-вторых, важнее того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт, ни голоден,
А смерти не дался!
А, в-третьих, за провинности
Великие и малые
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай — жив!»

— На! выпивай, служивенький!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет!

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олбнчанин,
Плечистый, молодой.
«И я живу — не жалуюсь, —
Сказал он: — с жонкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!»

— Да в чем же ваше счастье?

«А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!

Случалось, не похвастаню,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастье»
И, крикнувши порядочно,
Работнику поднес.
— Ну, веско!

А не будет ли
Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело?..

«Смотри, не хвастай силою, —
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек — комар). —
Я был — не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклат я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая.
«Что это? — говорит. —
Не узнаю Трофима я!
Итти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!

Сам слышу — тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.
И внес ту ношу чортову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
«Ай, молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!»

— Налить? Да где ж тут
счастье?
Мы потчует счастливого,
А ты что рассказал!

«Дослушай! будет счастье!»

— Да в чем же, говори!

«А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне лихорадочных,
Горячечных работников
Нас много набралось,
Всем одного желалось,
Как мне, попасть на родину,
Чтоб дома помереть.

Однако нужно счастье
И тут: мы летом ехали,
В жарнице, в духоте
У многих помутились
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит жонкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Не сдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И все мне, братец, чудится,
Что режу пеунов¹
(Мы тоже пеунятники,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! все с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!

А я с ножом:

«Да полно вам!»

Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастью,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, — сжалился
Над сиротами бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне...»

— Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем? —
Кричит, разбитый на ноги,
Дворовый человек: —
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева
Я был любимый раб.
Жена — раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам;
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны...
Ой! как кольнуло!.. батюшки!..
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялись.
— Чего смеетесь, глупые, —
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричал: —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее,
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...

¹ Пеуны — петухи.

За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем¹
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...
Ну, наливай!

— Проваливай!

У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорусс,
Туда же к водке тянется:
«Налей и мне маненечко,
Я счастлив!» говорит.

— А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?

«А счастье наше — в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь!»

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо все глядит:

«Хожу я за медведями,
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив!»

— А ну-ка, влево глянь!

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
«Свернула мне медведица
Маненечко скулу!»
— А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит... — Посмеялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
«Нас у порога лавочник
Встречает подаением,
А в дом войдем,
так из дому
Проводят до ворот...
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяйшка
С краяхой, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится.
Тебе скорей, а нам спорей...»

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,

¹ Трюфели — грибы.

Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями
Проваливай домой!»

«А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина»,
Сказал, подсевши
к странникам,

Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей:
«Коли Ермил не выручит,
Счастливец не объявится,
Так и шататься нечего...»

— А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?

«Не князь, не граф сиятельный,
А просто он — мужик!»

— Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем.
Какой такой Ермил?

«А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копейке.
Ермило как рассердится —

Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копейчку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть — до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплосал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
«Моя, выходит, мельница!»
— «Нет!» говорит Ермил,
Подходит к председателю:
«Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»

— Что в полчаса ты сделаешь?

«Я деньги принесу!»
— А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!

«Так полчаса позвольте?»

— Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулись,
Смеются, подлещи!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится
На все четыре стороны

Поклон, — и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присваивался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука.
Приехал я без грошика,
Ан глядь — они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось найду, бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить — не выловить.
Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..»

И чудо сотворилось —
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошело,
Несут Ермилу денешки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков¹,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал — не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалась
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: «Бери, Ермил Ильич, —
Отдашь, не пропадет!»
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдвинулись подьячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол..
Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,

¹ Лобанчики — полуимперIALы (Примеч. Некрасова.) ИмперIAL — золотая монета десяти-рублевого достоинства.

Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще — он сам рассказывал —
Рубль лишний, чей — бог ведает,
Остался у него.
Весь день с мощной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал,
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилось,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым...
Так вот каков Ермил Ильич».

— Чудён! — сказали странники: —
Однако знать желательно,
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?

«Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?»

— Слыхали, ну так что ж?

«В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,

А наш Ермил писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому.
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы — выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно —
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо.
А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и бог велел!

Однако, волей божией,
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь.
Приехал князь молоденький,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.

Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей
вотчиной

Кричим: «Ермилу Гирина!»
Как человек один!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»

А мы: «Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!»
Пошел Ермилу царствовать
Над всей княжою вотчиной.
И царствовал же он!
В семь лет мирской копейки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил...»

— Стой! — крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику: — грешить!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина...

— «А я, небось, не знал?
Одной мы были вотчины,

Одной и той же волости,
Да нас перевели...»

— А коли знал ты Гирипа,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок.

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
«Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.

Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрать бы не велел,
Одна Ненила Власьева
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы,
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике¹ с веревкою
Застал его отец.

Тут сын отцу покался:
«С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он все одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»

¹ Денник — сарай, хлев.

Чтоб хуже не случилось,
Отец связал сердечного,
Проставил караул.

Сошелся мир, шумит, галдит, —
Такого дела чудного
Вовек не приходило
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старались,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать, ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухой,
Перед Ненилой Власьевной,
Вдруг на колени пал!

Ну, дело все обладилось.
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Не тяжело служить:
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,

Часть миру на вино...
Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу,
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал —
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему».

— Напрасно вы проходите, —
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп: —
Я знал Ермилу Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! Был мужик единственный!
Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!

Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите:
В остроге он сидит...

«Как так?»

— А воля божия!

Слышал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» — так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни Столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует,
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Еремилу Гирина

Начальнику сказал:
«Народ поверит Гирина,
Народ его послушает...»
— Позвать его, живей!

.

Вдруг крик: «ай, ай!
помилите!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:
У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как
встрепанный!»
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнью
От иностранных вин:
«Откуда прыть явилася!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло, как рукой!»

— Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?

«Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!»

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,

Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь...

Глава V

ПОМЕЩИК

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть,
перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
— Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!.. —
Крестьяне рассмеялись:
«Какие мы разбойники,
Гляди — у нас ни ножика,

Ни топоров, ни вил!»
— Кто ж вы? чего вам надобно?

«У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое:
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно, отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...»

— Извольте: слово честное,
Дворянское даю!
«Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!»

— Эге! какие новости!
А впрочем, будь по-вашему!

Ну, в чем же ваша речь?..
«Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! Мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень —
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина,
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику.
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому,
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбеешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — удумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему

Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?»

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху...
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

— Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...

«Нет! нет!

Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Прощка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
— Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое! —
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах,
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: «Татарину
Оболту Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал...»
Ну, поняли, любезные?»
— Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь.

«Вы все свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию»,
А было то, любезные,
Без мала триста лет.
Так вот оно откудова
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

— А ты, примерно, яблочко
С того, выходишь, дерева? —
Сказали мужики.

«Ну, яблочко, так яблочко!
Согласен! Благо поняли
Вы дело наконец.
Теперь — вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники: —
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные, —
Им разный и почет!

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья, — и жили мы,

Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовалась нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валяются,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою,
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей-жирей до времени!»
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»

Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
Во сне — какие праздники,

Не день, не два — по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги — целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»

Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился,
— Эй, Прощка! — закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврило Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники
Ревели, сорви-головы,
Варили-варом гончие.
Чу! подзывает рог...
Чу! стая воет! сгрудилась!
Никак, по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!

Присели, притаилися,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостяжданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! — улю-лю!.. а-ту!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовались,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут всё помещики,
Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,

На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»

Вдруг, как струна порвалась,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
— Эй, Проща! — закричал.
Глотнул — и мягким голосом
Сказал: «Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал — любя.
Порвалась цепь великая —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.

Я в воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиную стол огромный,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!

Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгают, целуются
С последним мужиком.
«Христос воскрес!» — «Воистину!»
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино...

Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всюнощну служил.
И к той домашней всюнощной
Крестьяне допускались,
Молись — хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»

«Зато, скажу, не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики, —
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны...
Ждешь — не дождешься осени,
Жена, детишки малые,
И те гадают, ссорятся:
Какого им гостинчику
Крестьяне принесут?
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности,

Всего, что на помещика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева — с вареньями,
Из Астрахани — с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось, не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие
Рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань...

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»

— Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

И все прошло! все минуло!..
Чу! похоронный звон!..

Прислушались странники,
И точно: из Кузьминского

По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись. «Покой крестьянину
И царствие небесное!»
Проговорили странники
И покрестились все...

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку — и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещичьей
Звонят!.. Ой, жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прощка!» (выпил водочки
И посвистал). «Невесело
Глядеть, как изменилось
Лицо твоё, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадают
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалось
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалось
Колясок, бричек троечных,
Дормезов¹ шестерней!
Катит семья помещичья —
Тут маменьки солидные,

Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной
Что шаг — ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — мужик любит,ся,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина:
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки
И Ганичка и Верочка
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить!

¹ Дормез — карета.

Деревней ехать совестно,
Мужик сидит — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий
Звучит — топор разбойничий,
Шалит!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля — не доработаны,
Посевы — не досеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся, —
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косою распущенной,
С неубранным лицом!..

Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поют народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова напараны:
«На вынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталась...
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... «А кто велел?»
Кричат писаки праздные:
«Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»

А я скажу: а кто же ждал?
Ох, эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!..»

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь.
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!
Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький,
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «Трудись!»
А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,

Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась — расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

ИЗ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Глава III

САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

С большущей сивой гривой,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала все боялась я¹,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну, распрямятся?
Пробьет дыру медведице
В светелке головой!
Да распрямятся дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал,
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клеимым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится,
Уйдет в свою светелочку.

Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменный, да не раб!..»
А крепко досадят ему,
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золушка — к окну:
Ан вместо сватов — нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного —
Побитый припелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков,

¹ Рассказ ведется от лица Матрены Тимофеевны Корчагиной — героини второй части поэмы, озаглавленной «Крестьянка». Дедушка Савелий — дед мужа Матрены Тимофеевны.

А зиму разговаривал
На печке сам с собой.
Имел слова любимые.
И выпускал их дедушка
По слову через час.

.....
«Погибшие... пропащие...»

.....
«Эх вы, Аники-воины! ¹
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»

.....
«Недотерпеть — пропасть!
Перетерпеть — пропасть!..»

.....
«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут.
Раздумается временем
О смерти — муки адские
В ту-светной жизни ждут».

.....
«Надумалась Корёжина,
Надай! надай! надай!..»

.....
И много! да забыла я...
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дёма, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький...

Вот раз и говорю:
— За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?

— Я каторжником был.

— Ты, дедушка?

— Я, внученька!

Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...

— И, полно! шутишь, дедушка!

— Нет, не шучу. Послушай-ка! —
И все мне рассказал.

— «Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем».

— Да как же так, Савельюшка?

— «А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонущи
Три года чорт искал:
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим — военный был —
К нам достигаться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция

¹ Аника-воин — один из богатырей русской былинной поэзии.

Не попадала по году, —
Вот были времена!
А нынче — барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшной сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «Мой лес!» кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок — завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп¹ я похож?»

— Ты начал, так досказывай!
Ну, жили — не тужили вы,
Что ж дальше, голова?

— «По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная,
Наехала полиция,

Мы давай ей — медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы — шкурами звериными!
А в третий — мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» — Оброку нет!
Хлеба не уродились,
Снеточки не ловились...
«Оброк!» — Оброку нет! —
Не стал и разговаривать:
«Эй, перемена первая!»
И начал нас пороть.

Туга мощна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешались,
Мозги уж потрясались
В головушках — дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: «Постой, дай срок!»
Онучи распоролы мы
И барину «лобанчиков»
Полшапки поднесли.

Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то — вот бог! — решился я
Содрать с вас шкуру начисто...

¹ Жердь — принадлежность деревенского колодца. (Примеч. Некрасова.)

На барабан напаялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
(Хохочет — рад придумочке):
«Вот был бы барабан!»

Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие,
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!
И прочим стало совестно,
На церковь побояжились:
«Вперед не посрамимся мы,
Под розгами умрем!»

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что́ год — зовёт... дерет...

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпывал:
Помалчивал, подумывал:
«Как ни дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»
Как примет дань Шалашников,
Уйдем — и за заставою
Поделим барыши:

«Что денег-то осталось!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над бариним
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы...

Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один, как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.
И был сначала тихонький:
«Платите, сколько можете».
— Не можем ничего!
«Я барина уведомлю».
— Уведомь!.. — Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!
Смеялись мы: «Не любишь ты
Корёжского комарика...

Не любишь, немчура?...»
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полкё...

С ребятами, с девóчками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаром он бродил!
«Коли платить не можете,
Работайте!» — А в чем твоя
Работа? — «Окопать
Канавками желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...»
— Ну, хорошо! — Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взяли
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властью,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл... как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,

Подумаешь: убьет!
А деньги сунь, отвалится,
Ни дать ни взять — раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца — хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя, сосет!»

— Как вы терпели, дедушка?

«А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.
В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?»

— Ты шутишь шутки, дедушка! —
Сказала я. — Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!

«Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,

Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет!
Не знаю, не придумаю:
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как были вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? —
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!»

— А что же немец, дедушка?

«А немец как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдвядтером копали мы.
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?..»
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий... Мы поспрудились...
До ямы два шага...

Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме... всё на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: «Веревку! лестницу!»
Мы девятью лопатами
Ответили ему.

«Наддай!» я слово выронил, —
Под слово люди русские
Работают дружнее, —
«Наддай! наддай!» Так надали,
Что ямы словно не было —
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулись...»

Остановился дедушка.

— Что ж дальше?

«Дальше — дрянь!
Кабак... острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое там дранье!
Потом... бежал я с каторги...
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней — я не поморщился
С заводского дранья.

Тот мастер был — умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была не легкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх вы, Аники-воины!

Со стариками, с бабами
Вам только воевать...»

Тут кончил речь Савельюшка...

— Ну, что ж? — сказали странники: —
Досказывай, хозяйшшка,
Свое жите-бытье!

— Невесело досказывать.
Одной беды бог миловал:
Холерой умер Ситников, —
Другая подошла.

«Наддай!» сказали странники
(Им слово полюбилися)
И выпили винца...

Ч А С Т Ь Ч Е Т В Е Р Т А Я

П И Р — Н А В Е С Ь М И Р

*Посвящается Сергею Петровичу
Воткину.*

Вступление

В конце села Вахлячина,
Где житель — пахарь исстари
И частью — смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Целуются, милуются, —
Шел пир, великий пир!

Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое,
Знакомец наш Клим Яковлич,
Видавший благородные
Пир с речами, спичами,
Затейщик пира был.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).

Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»
С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша; было старшему
Уж девятнадцать лет,
Теперь же протодьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар все снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становились,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поёмные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,

Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?
Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаютсЯ
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Неведением помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей —
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик; попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податю — осердится!
Один ответ до времени:
«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поёмные
Сдать старосте — на подати:
Все взвешено, рассчитано,
Как раз — оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?»

— А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю,
Не то — валяюсь с бабою,
Не то — иду в кабак!

«Так!» вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась: на подати!
«Согласен, дядя Влас?»

У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак.

ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКИЕ ПЕСНИ

Веселая

— Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!
«Где ж коровка наша?»
— Увели, мой свет!
Барин для приплоду
Взял ее домой.
Славно жить народу
На Руси святой!

«Где же наши куры?»
Девчонки орут.
— Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу
Да сулил постой...
Славно жить народу
На Руси святой!

Потом свою вахлацкую,
Родную — хором грянули,
Протяжную, печальную —
Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.

С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила — ревет:
В дворне больше году
Дочка... нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как ведреный денек.
Не диво ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?..

Душа народная!
Воссмейся ж наконец!..

Варищанная

Верченный, крученный,
Сеченый, мученый,
Еле Калина бредет.

В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене...

«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
— Мы барщинные! С наше-то
Попробуй, потерпи!
Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика:
День — каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю гляючи.
Мы потеряли речь.
В молчанку напивались,
В молчанку целовались,
В молчанку драка шла.
— Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка-то
Досталась солоней! —
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший,
(Нужда пристигла крайняя,
Скосил — и на базар!) —
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться.
А мужику не лаяться
Едино, что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругались,

Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные,
Гудевшие в тот день. —

Такие сказы чудные
Посыпались... и диво ли?
Ходить далеко за словом
Не надо — все прописано
На собственной спине.

«У нас была оказия»,
Сказал детина с черными
Большими бакенбардами:
«Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал.
А выше — ни царапины.
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
— Так что же, брат,
рассказывай!
«Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?»
— Так, подбегало-мученик¹,
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина²
Дворовый человек,
Викентий Александрович.

¹ Подбегало — человек ветутошный, пришлый, приписавшийся к деревне. (Примеч. Некрасова)

² Тизенгаузена. (Примеч. Некрасова)

С запяток в хлебопашество
Прыгнул! За ним осталася
И клчка: «выезднбй».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы...

Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел¹. —
Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

Про холопа примерного — Якова верного

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвысздно тридцать три
года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.
Жадный, скупой, не дружилс с
дворянами,
Только к сестрице езжал на чаек;
Даже с родными, не только с
крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;
Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек — обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Пбходя дул каблуком.

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.
Яков таким объявился измладости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили.
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили...

Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки, как сахар, белы,
Да на ногах — кандалы!
Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет.
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгуше свезет до сестры,
Сам до старушки добратсья поможет.
Так они жили ладком — до поры.

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!»
— Кто же невеста? — «Невеста —
Ариша».

Барин ответствует: «В гроб вкложу!»
Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги господь воротил!»
Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл.

¹ Примета: чтобы иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца. (Примеч. Некрасова.)

Крепко обидел холопа примерного,

Якова верного,

Барин, — холоп задурил!

Мертвую запил... Неловко без Якова;

Кто ни послужит — дурак, негодяй!

Злость-то давно накопилась у всякого,

Благо есть случай: груби, вымещай!

Барин то просит, то пёсски ругается,

Так две недели прошли.

Вдруг его верный холоп возвращается...

Первое дело: поклон до земли.

Жаль ему, видишь ты, стало безногого:

Кто-де сумеет его соблюсти?

«Не поминай только дела жестокого,

Буду свой крест до могилы нести!»

Снова помещик лежит под халатом,

Снова у ног его Яков сидит,

Снова помещик зовет его братом.

«Что ты нахмурился, Яша?»

— Мутит! —

Много грибов нанизали на нитки,

В карты сыграли, чайку напились,

Ссыпали вишни, малину в напитки

И поразвлекся к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,

Ясному солнышку, зелени рад.

Яков угрюм, говорит неохотно.

Вожжи у Якова дрожмя дрожат,

Крестится: «Чур меня, сила нечистая!»

Шепчет: «Рассыпся!» (Мутит его враг.)

Едут... Направо трупца лесистая,

Имя ей исстари «Чортов овраг»;

Яков свернул и поехал оврагом,

Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»

Яков ни слова. Проехали шагом

Несколько верст; не дорога — беда!

Ямы, валежник; бегут по оврагу

Вешние воды, деревья шумят...

Стали лошадки — и дальше ни шагу:

Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,
Начал коней отпрягать.

Верного Яшу, дрожащего, бледного,

Начал помещик тогда умолять.

Выслушал Яков посулы — в грубо,

Зло засмеялся: «Нашел душегуба!

Стану я руки убийством марать.

Нет, не тебе умирать!»

Яков на сосну высокую прынул,

Вожжи в вершине ее укрепил,

Перекрестился, на солнышко глянул,

Голову в петлю — и ноги спустил!..

Экие страсти господни! Висит

Яков над барином, мерно качается.

Мечется барин, рыдает, кричит,

Эхо одно откликается!

Вытянул голову, голос напряг

Барин — напрасные крики!

В саван окутался Чортов овраг,

Ночью там росы велики, —

Зги не видать! Только совы снуют,

Оземь ширясь крылами;

Слышно, как лошади листья жуют,

Тихо звеня бубенцами.

Словно чугунок подходит — горят

Чьи-то два круглые яркие ока;

Птицы какие-то с шумом летят, —

Слышно, посели они недалеко.

Ворон над Яковым каркнул один.

Чу! их слетелось до сотни!

Ухнул, грозит костылем господин.

Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь

пролежал,

Стонами птиц и волков отгоняя,

Утром охотник его увидел.

Барин вернулся домой, причитая:

«Грешен я, грешен! Казните меня!»
Будешь ты, барин, холопа примерного.
Якова верного,
Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи!» слышалось
Со всех сторон: «Жаль Якова,
Да жутко и за барина, —
Какую принял казнь!»
«Жалей!..» Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней.
Один сказал: «кабатчики»,
Другой сказал: «помещики»,
А третий — «мужики».
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик — не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слова вымолвить,
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты!..»
— А ты бы прежде выслушал...
«Дурак же ты...»

— И все-то вы,
Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное — мастак

Подстергать оказии,
Когда собирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка.
— Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте!
— Ну, кто же? говори!
«Известно, кто: разбойники!»
А Клим ему в ответ:
— Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!
Набил мошну — мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тут ни при чем!
«Разбойник за разбойника
Вступился!» прасол вымолвил,
А Лавин — скок к нему!
— Молись! — и в зубы прасола.
«Прощайся с животишками!» —
И прасол в зубы Лавина.
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне расступились,
Никто не подзадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались.
— Убью! пиши к родителям!
— «Убью! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой впился в волосы
И гнул со словом: «кланяйся!»
Купца к своим ногам.
— Ну, баста! — прасол вымолвил,
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:
— Твоя взяла! и диво ли?

Не жнет, не пашет — шляется
По коновальской должности —
Как сил не нагулять?
(Крестьяне засмеялись.)
«А ты еще не хочешь ли?»
Сказал задорно Клим.
— Ты думал, нет?

 Попробуем! —
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!»
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,
Смиранный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселся.
Настала тишина.

Глава II

СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ

Бездомного, безродного
Немало попадается
Народу на Руси.
Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пуускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, — им подают.

Пуускай нередки случан,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки богородицы»
Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,

Что дальше Троицы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласия матерей,
В селе Крутые Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запирались,
Оттуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!..

Но видит в тех же странниках
И лицевою сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двупудовые
По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить — живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один.
Чудён ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовёт в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, все выслушал:
— К допросу сомустителя! —
Он то же и ему:
«Ты враг Христов, антихристов
Посланник!» Сотский, староста
Мигали старику:
— Эй, покорись! — не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоячи,
Условцам кричал:

«Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, — будете голы вы,
Били вас палками, розгами,
кнутьями, —
Будете биты железными прутьями!..»

Условцы крестились,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика,
С испугу вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село не дальное,
Солдатики пришли.
Допросы! усмирение!
Тревога! по сподутности
Досталось и условцам:
Пророчество строптивого
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка,
Посадская вдова:
Как божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы — те радёхоньки!
Зимой перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.

Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе все словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколоте
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилось,
Сидит — зрачки расширены, —
Руками развела...
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся,
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешаны
Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет былъ афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями, —
Услышишь шопот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяйюшки

Веретено пузатое
Скатилось с колен.
Кот Васька насторожился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него,
И как оно каталось,
Пока не размоталась
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих заходящих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Ключки в лесных
окраинах

Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушались

Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,
Кто первый приютит его,
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй, бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли:
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело божие:
Котора взглянет ласковой,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею

Иконою шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу: чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

Негромко и неторопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О двух великих грешниках

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман;
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,

Много богатства награбили.
Жили в дремучем лесу;
Вождь — Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил.
Вдруг у разбойника лютого
Совесьть господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,

Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесьть злодея осилила:
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под раковой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стаёт.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой.
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и ночью всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд —
Только что рухнется дерево,
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище.
Дуб — три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет.
Годы идут — подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном подделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:

«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул — и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слышал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я что только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

Глава III

И СТАРОЕ И НОВОЕ

Иона кончил, крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:
«Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!»
— Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют:
Паром у них худой,
Пожди! Про Кудеяра-то...
«Паром! пар-ром! пар-ром!»
Ушел, с телегой возится:
Коровка к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают —
Сказал им: «Дуры! цыц!»
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.

Нажег коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою, —
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить — видит — не о чем».
Заметил Влас: «Ой, господи!
Велик дворянский грех!»
— Велик, а все не быть ему
Против греха крестьянского, —
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел — сказал.
Клим плюнул. — Эк приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей... Ну, сказывай,
Что за великий грех?

Крестьянский грех

Адмирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век адмирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»

Адмирал-вдовец на столе лежит,
Дальний родственник хоронить катит...

Схоронил — забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Все повиыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...

Глеб — он жаден был —
соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!

Все прощает бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный,
Грозовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех!»

— И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!.. — сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас
И скоро подававшийся
Как горю, так и радости.
«Великий грех! великий грех!»
Тоскливо вторил Клим.

Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг,
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою.

Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще — жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать пену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую,
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар не купленный,
Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»

Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

Голодная

Стоит мужик —
Колышется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет — пыхтит,
Идет — и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голосу:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Всё съем один.
Управляюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси — не дам!»

«Ой, батюшки, есть хочется!»
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху — ест.
— Поют они без голосу,
А слушать — дрожь по волосу! —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром — свою «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» — за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты.
Подходит к землякам.
— Хошь водки? — «Пил достаточно.
Что тут у вас случилось?
Как в воду вы опущены...»
— «Мы?.. что ты!..» Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкою ладонь.

— Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны?

— «Луга-то?.. Шутить, брат!»

— Так что ж переменялось?..
Закаркали «Голодную»,
Накликать голод хочется?
— «Никак, и впрямь ништо!»
Клим как из пушки выпалил,
У многих зачесались
Затылки, шопот слышится:
— Никак, и впрямь ништо!

— «Пей, вахлачки, погуливай!
Все ладно, все по-нашему,
Как было ждано-гадано.
Не вешай головы!»

— По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то?..

Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною — крепь!
«Змея родит змеенышей,
А крепь — грехи помещика,

Грех Якова-несчастливого,
Грех Глеба родила!
Нет крепи — нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепи — нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепи — Глеба нового
Не будет на Руси!»
Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров.
Ослабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»
— «Так, значит, и «Голодную»
Теперь навеки по боку?
Эй! други! Пой веселую!»
Клим радостно кричал...
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи —
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: «Дурак же ты!»
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришей:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
— Дай бог тебе и серебра,
И золотица, дай умную,
Здоровую жену!
«Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!»
Зардевшись, словно девушка,

Сказал из сердца самого
Григорий — и ушел.

Светаёт. Снаряжаются
Подводчики. — Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь! —
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом — наши странники,
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одежда новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «Бей его!» —
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит — земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною,
Народ кричал им: «Бей его!»
Пока в лесу не скрылись
И парни и беглец.

— Что за мужчина? — старосту
Допытывали странники: —
За что его тузят?

— Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов — бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут. — Удоволили? —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.

— «Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому:
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».

— Чудной народ! бьют сонного,
За что, про что, не знаючи...

— Коли всем миром велено:
Бей — стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников: —
Не ветрогоны тисковцы!
Давно ли там десятого
Пороли?.. Ой, Егор!..
Ай служба — должность подлая!..
Гнусь-человек! — Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать,
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука? да прогневался
И так уж дядя Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,

Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес подмышкою:
«Продай! помрут до городу!»
Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается.
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины, —
На что твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал.
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил — так не приходится
Заученные натьвердо
Присловья к новой музыке,
Народа не смешат!
Хитер солдат! по времени
Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,
Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!»

— Забраться-то забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет! — «Небось, до города
Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!»
— Сгорел? И поделом ему!
Сгорел? Так я до Питера!
Там все мои товарищи
Гуляют с полной пенцией,
Там — дело разберут!
«Чай, по чугушке тронешься?»
Служивый посвистал:
— Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам любя,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так чорт с тобой!

— А ты ударь-ка в ложечки, —
Сказал солдату староста: —
Народу подгулявшего

Покуда тут достаточно,
Авось дела поправятся.
Орудуй живо, Клим!
(Влас Климка недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй,
Клим!»
А Клим тому и рад.)

Спустили с возу дедушку.
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого —
Чорт чортом! Рот ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдат ударил в ложечки;
Что было вплоть до берегу
Народу — всё сбегается.
Ударил — и запел:

Солдатская

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Нутка, с редута-то с первого номеру,
Нутка, с Георгием — по миру, по миру!
У богатого,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину.
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,
А хозяин-вор
Оскотинился.

Нет у бедного
Гроша медного;

Не взыщи, солдат!
— И не надо, брат!
Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.

У первой Матрены
Груздочки ядрены,
Матрена вторая
Несет каравая,

У третьей водицы поплю из ковша:
Вода ключевая, а мера — душа!

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Служивого задержало.
Опершись на Устиньюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирию на весу;
Проделал то же с правой,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!»
И вдруг на обе стал.

— «Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядом,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: «Слушайте!»
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина

Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

К л и м

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колю на ней дрова.
Так та не столь изранена,
Как господин служивенький.
Взгляните: в чем душа!

С о л д а т

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

К л и м

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;
Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!»
По ним и пенцион.

С о л д а т

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить, — скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

К л и м

Какое в нашем городе
Начальство? Поделом его
Пожар загнал в острог!
Вершками раны смеряли
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.

Так мерял пристав следственный
Побой на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина
Величиной с двугривенный,
В середине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев...» Приравняем ли
К побойцу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

С о л д а т

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками,
Там и простился я с ножками.
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

К л и м

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых, —

Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

С о л д а т

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеєю шипит.
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!»
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал,
И слышалось, как стучалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал; уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копейке,
По грошу, — на тарелочках
Рублишко набрался...

Г л а в а IV

ДОБРОЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЕ ПЕСНИ

В замену спичей с песнями,
В подспорье речи с дракою
Пир только к утру кончился,
Великий пир!.. Расходится
Народ. Уснув, остались
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Смиранный богомол.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе

Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:

Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Беднее захудалого,
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две каморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая в сажень — летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделось:
Ушел в поля, в луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо — их недокармливал
Хапуга-эконом.

Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит — ждет жадно ситника,
Который вылавался им

Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлячина,
Они в ней отъедались,
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городе.

Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба — у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их во всей вахлячине,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо — хлебушком
Вахлак делился с Домною.
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чем бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка:

Стирала ли, косила ли,
Баякала ли Гришеньку,
Любимого сына.
Как сжалось сердце мальчика,

Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

Соленая

Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди — умрет!

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой»,
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток,
«Соли еще!»
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было тёмно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал — тужил о матушке
И обо всей вахлячине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлячине
Слилась — и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим

Над русскою землею!
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовёт на честный путь:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, —
Каким итти?

Одна просторная
Дорога — торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная,
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выпренией
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные
На бой, на труд

За обойденного,
За угнетенного, —
Стань в их ряды.

Иди к униженным,
Иди к обиженным,
Там нужен ты.

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет над русским юношей —

Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Пока звездой падучею
Пронесется они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством — и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав...

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

«В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудный,

Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски-бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?

Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Собирается с силами русский народ
И учится быть гражданином,

И пошу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе покуда — раба,
Но мать уже вольного сына!»

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая.
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается, —
Три дня тому стгоревшего

Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем.
Всё спит еще, немногие
Проснулись: два подьячие,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями,
Узлами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет — как лист дрожит.
Восстав от сна, с молитвою
Причесывает голову
И держит наотлет,
Как девка, косу длинную
Высокий и осанистый
Протоерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагруженные:
Вчера бурлаки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он — измученный
Бурлак! Походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
А с губ слова срывались
То шопотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

Бурлак

«Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бечевою,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул.
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Зашиты в пояс три рубля;
Остатком — медью — шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крякнул от души,
Перекрестил на церковь грудь:

Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой — не близкий путь!
Дай бог дойти и отдохнуть!»

С бурлака мысли Грипины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — не бужены,
Вышли — не прошены:
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

[illegible]

С Е Я Т Е Л Я М

Одеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами,
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

МУЗЕ

О Муза! наша песня спета,
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

ЗИНЕ

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

БАЮШКИ-БАЮ

Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: — умрем! конец надежде! —
Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всеильной,
И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!

Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прими трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчаный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над
Камою,
Баю-баю-баю-баю!..»

◡◡◡

* * *

О Муза! я у двери гроба!
Пусть я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий нам,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

◡◡◡◡◡◡◡◡◡

ПРИМЕЧАНИЯ

В ДОРОГЕ

В стихотворной повести «В дороге» изображены «добрые», «гуманные» господа, которые взяли к себе в усадьбу крестьянскую девочку и воспитали ее, как дворянку, вместе со своей избалованной дочерью.

Но в том-то и заключается глубокий политический смысл этой некрасовской повести, что в ней было наглядно показано, какие страдания таит для подневольных крестьян даже «гуманная» барская ласка в губительных условиях беспроектного рабства.

Некрасову удалось, невзирая на цензурные строгости, обличить бесчеловечную жестокость крепостных отношений.

До той поры в подцензурной печати еще не появлялось таких смелых протестов против рабства крестьян. Это некрасовское стихотворение было написано раньше «Сороки-воровки» Герцена, «Записок охотника» Тургенева, «Антон Горемыки» Григоровича и других повестей, изображающих горькую жизнь крепостного народа.

Когда Некрасов прочитал свое стихотворение Белинскому, великий критик обнял его и сказал:

— Да знаете ли вы, что вы — поэт, и поэт истинный!

С таким же восторгом отнесся к этому стихотворению Герцен.

«Я ЗА ТО ГЛУБОКО ПРЕЗИРАЮ СЕБЯ...»

Тема этого стихотворения — разлад между словом и делом, который был типичной особенностью дворянской интеллигенции сороковых годов. На словах многие из этих дворян ненавидели крепостнический строй, но на деле мирно уживались со всеми его неправдами. В стихотворении впервые намечена характеристика «лишних людей», которых впоследствии изображал в своих повестях и романах Тургенев. (См. также поэму «Саша».)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Эта песня направлена против крупных чиновников царского времени. Тогдашняя цензура позволяла писателям обличать только мелких писцов и третьестепенных чиновников. Но Некрасов воспользовался песней, обращенной к младенцу, и под видом пророчества о той карьере, которая ждет его в будущем.

обличил сановника, «важного барина», как наглого вора и взяточника.

Вскоре после появления этой сатиры в печати Некрасова вызвал к себе жандармский генерал Дубельт и «много кричал, как он смеет нападать на чиновников и дворян».

Разгневанный начальник жандармского ведомства, прочтя «Колыбельную песню», сделал выговор возглавлявшему цензуру министру народного просвещения Уварову:

«Сочинения подобного рода, по предсудительному своему содержанию, не должны бы одобряться к печатанию».

ТРОЙКА

В своих стихах Некрасов не раз вспоминал о горькой участи русской женщины, которую тогдашний общественный строй обрекал на безысходное рабство. Так, в поэме «Мать» он писал:

...Я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли
Ей для борьбы оставил мало сил.

В таких произведениях как «Мороз, Красный нос», «Мать», «Кому на Руси жить хорошо», он посвятил много стихов «ужасу женской доли».

Еще при жизни Некрасова «Тройка» стала одним из самых популярных романсов, особенно среди передовой молодежи.

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

В этом стихотворении Некрасов изображает мрачную картину перевозки «политического преступника» к месту его заключения.

ПСОВАЯ ОХОТА

Под видом восторженных восхвалений помещицкой псовой охоты поэт обличает породивший ее крепостнический строй и показывает, что в условиях рабства эта потеха является издевательством над бесправным и голодным крестьянином.

Цензура вычеркнула из «Псовой охоты» угрозы побитого парня:

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетеним дубьем,
Вместе с горластым твоим холуём!»

Эти строки были заменены точками и появились в печати только через двадцать семь лет после того, как они были написаны.

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

Некрасов благоговейно чтит память великого критика, который оказал глубокое влияние на всю его литературную судьбу. Поэт считал своим нравственным долгом увековечить его имя в потомстве. Но цензура в то время запрещала упоминать имя Белинского в печати. Поэтому Некрасову пришлось назвать свое стихотворение «Памяти приятеля».

Упрашивая цензора, чтобы тот, при некотором ослаблении цензурного гнета, разрешил напечатать в журнале имя великого критика, Некрасов писал: «Лучше запретите десять моих стихотворений кряду, даю честное слово жаловаться не стану даже про себя...»

Через несколько лет Некрасов посвятил своему учителю целую поэму («Белинский»), а еще через несколько лет прославил его в знаменитых строфах незавершенной «Медвежьей охоты» (см. настоящее издание, стр. 128).

В поэме Белинский изображается как великий народный трибун:

И он пришел, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лести,
В забвеньи истины и чести,
Отчизна бедная зашла!

Осенью 1856 года вышло первое издание «Стихотворений» Н. А. Некрасова. В самом начале книги было помещено стихотворение «Поэт и гражданин», до той поры не бывшее в печати. Некрасов придавал этому стихотворению большое значение: он напечатал его в виде предисловия к книге — более крупным шрифтом, чем все остальные стихи. Стихотворение «Поэт и гражданин» явилось, в сущности, литературным манифестом молодой революционной демократии, от лица которой здесь впервые было заявлено требование подчинить поэзию революционной борьбе. Это стихотворение наносило могучий удар принципам так называемого «чистого искусства». Здесь с предельной четкостью были сформулированы высокие требования, предъявленные Некрасовым к дарованию писателя:

Будь гражданин! служи искусству,
Для блага ближнего живи...

Речи некрасовского Гражданина вполне совпадали с той проповедью Н. Г. Чернышевского о служении искусства трудовому народу, которая в то же время раздавалась на страницах журнала «Современник».

Появление в печати стихотворения «Поэт и гражданин» вызвало негодование властей; цензор, пропустивший его, подвергся суровым репрессиям. Оно сыграло огромную роль в борьбе разночинцев шестидесятых годов за подлинное революционно-демократическое искусство.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

В этом стихотворении изображается действительный случай. Против того дома, где жил Некрасов, находилась квартира министра государственных имуществ. Однажды, глубокой осенью, к этому дому робко приблизилась группа крестьян, пришедших в столицу пешком из далекой деревни, чтобы обратиться к министру с прошением — очевидно, с жалобой на притеснения помещика. Но их

прошение так и не дошло до министра: дворники и городской, по его приказанию, прогнали их от министерского дома.

Увидев эту сцену из окна, Некрасов под ее впечатлением написал свои «Размышления у парадного подъезда». В этих стихах он выразил не только ненависть к жестоким чиновникам, но и свою глубокую скорбь о покорности и долготерпении крестьян. С горечью описывает он, как кротко и смиренно крестьяне подчинились тому грубому окрику, который донесся к ним из прихожей министра, и даже шапок не посмели надеть, покуда не скрылись из глаз.

Некрасов был поэтом революционной борьбы, он призывал к восстанию против угнетателей, к мести, и потому его так огорчало всякое проявление безропотной кротости, которое он замечал в порабощенных крестьянах.

Их нищета, их *терпенье* безмерное
Только досаду родит! —

воскликнул он в одном стихотворении. В другом, обращаясь к бурлаку, задает ему вопрос:

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты *менее терпел*?

Страстно желая, чтобы угнетенный народ вышел наконец из терпенья и восстал против своих угнетателей, Некрасов во многих стихах, насколько это было возможно по цензурным условиям, сурово порицал тех крестьян, в которых видел черты примирения с крепостническим гнетом (например, Ината в «Кому на Руси жить хорошо»).

Конечно, это не мешало ему верить, что в массе народа, в огромном его большинстве, таятся неистощимые силы для революционного взрыва и с каждым днем нарастает чувство классовой ненависти, и когда в «Размышлениях у парадного подъезда» он спрашивал, обращаясь к народу: «Ты проснешься ль, исполненный сил...», он знал, что на этот вопрос существует единственный ответ — утвердительный. Недаром в таких образах, как Савелий, богатырь святорусский, как Кудеяр, расправившийся с паном Глуховским, как

Яким Нагой и др., он показал, сколько сокрушительного гнева накопилось в народе и как велика его революционная мощь.

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Сохранилась рукопись этого стихотворения, в которой после слов «Где лежит моя бедная мать» были такие стихи:

.....
В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибшую силу мою...
И трудящийся, бедный народ
Предо мною с упреком идет,
И на лицах его я читаю грозу.
И в душе подавить я стараюсь слезу...

.....
Да! теперь я к тебе бы воззвал,
Бедный брат, угнетенный, скорбящий,
И такую бы правдой звучал
Голос мой, из души исходящий,
Что толпа бы за мною пошла.

Стихи черновые, не отделанные Некрасовым, но благодаря им становится более явственным революционный характер стихотворения «Рыцарь на час».

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Некрасов провел детство среди крестьянских детей. Они были товарищами его игр. То, что он пишет в этом стихотворении о «грибных набегах» о сборе черники, о веселом купанье в реке, о поимке старого глухаря и ежа, основано на его личных воспоминаниях детства. Ольга Сократовна Чернышевская, вдова знаменитого писателя сообщила автору этих строк (в 1906 году), что Некрасов, прежде чем написать своих «Крестьянских детей» подробно рассказывал ее мужу и ей многие из тех эпизодов, которые изложены в этих стихах.

При первом появлении в печати «Крестьянские дети» были посвящены О. С. Чернышевской.

«Большая дорога», упоминаемая в этой поэме, проходила неподалеку от некрасовской деревни Грешнево. Она соединяла

Кострому с Ярославем. Отрывок из поэмы «Крестьянские дети», начинающийся словами «Однажды в студеную зимнюю пору...», был перенесен в хрестоматии под заглавием «Мужичок с ноготок».

КОРОБЕЙНИКИ

Крестьянин Гаврила Яковлевич Захаров, которому посвящены «Коробейники», был товарищем Некрасова по охоте; отношения у них были приятельские.

Сын Гаврилы Яковлевича рассказывал, что сюжет «Коробейников» дан Некрасову его отцом.

Когда «Коробейники» были напечатаны, Н. Г. Чернышевский воспользовался включенной в их текст «Песней убогого странника» для революционной пропаганды. Прочитывая знаменитые строки: «Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь? Холодно, странничек, холодно...» и т. д., Чернышевский объяснял, что такими жалобами беде не поможешь: крестьянин должен создать свое счастье революционным путем.

Напечатав поэму в журнале, Некрасов издал ее отдельно для народа под заглавием: «Красные книжки. Книжка первая: Коробейники. Сочинил и издал Некрасов». Поэт не только отказался от всякого дохода с этих народных книжек, но и весь расход по их печатанию принял на себя.

Уже через несколько лет после появления «Коробейников» первые двадцать четыре строки поэмы вошли во все народные песенники под заглавием «Коробушка» (или «Коробочка»), чаще без имени автора. «Коробушка» поныне распевадается как одна из любимых народных песен.

СВОБОДА

Написано вскоре после крестьянской реформы 1861 года.

Чернышевский вспоминал впоследствии, как встретил Некрасов царский манифест о так называемом «освобождении» крестьян:

«В тот день, когда было обнародовано решение дела, я вхожу утром в спальную Некрасова... Он лежит на подушке головой, забыв

о чае, который стоит на столике подле него. Руки лежат вдоль тела. В правой руке тот печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского дела. На лице выражение печали. Глаза потуплены в грудь. При моем входе он встрепелся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил:

— Так вот что такое эта «воля»! Вот что такое она!

Он продолжал говорить в таком тоне минуты две.

Когда он остановился перевести дух, я сказал:

— А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будет именно это.

— Нет, этого я не ожидал, — отвечал он и стал говорить, что, разумеется, ничего особенного он не ждал, но такое решение дела далеко превзошло его предположения.

По словам другого современника, Некрасов говорил еще резче:

«Да разве это настоящая воля! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами».

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

В русской армии при Николае I дисциплина поддерживалась бесчеловечными карами: виновных в нарушении устава засекали нередко насмерть.

Удивительно мастерство, с которым Некрасов провел в печать эту цензурную тему: он умудрился рассказать об истязании, ни единым словом не изображая его, при помощи одних недомолвок и намеков.

По поводу «Орины» Некрасов незадолго до смерти продиктовал своей сестре:

«Орина, мать солдатская, сама рассказывала мне свою ужасную жизнь. Я несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшить».

МОРОЗ, КРАСНЫМ НОС

Некрасову казалось, что после этой поэмы ему придется навсегда прекратить свое творчество.

Я последнюю песню пою, —

говорил он, обращаясь к сестре во вступительных стихах к этой поэме.

К счастью, песня оказалась далеко не последней: впереди у поэта было еще около двенадцати лет плодотворной и вдохновенной работы.

Но политическая ситуация в ту пору была такова, что Некрасову действительно могло показаться, будто дальнейшее творчество для него уже невозможно.

Поэма писалась в 1863 году, то-есть в то самое время, когда правительство Александра II, испуганное революционным подъемом, начавшимся после Крымской войны, выступило в поход против передовой демократии.

Воспользовавшись паникой, вызванной знаменитыми петербургскими пожарами 1862 года власти приостановили некрасовский журнал «Современник», арестовали вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского, заключили в крепость Д. И. Писарева. Обыски и аресты в среде молодежи стали обычным явлением.

Естественно, что в эту мрачную эпоху Некрасов испытывал очень тяжелое чувство. Оттого он и говорит в своем обращении к сестре, что его последняя песня

Будет много печальнее прежней,

Потому что на сердце темней

И в грядущем еще безнадежней...

Но чувство безнадежности было чуждо Некрасову. Он знал, что победа реакции — временная и что окончательным победителем будет революционный народ.

Даже эта поэма, которую он сам называет печальной, свидетельствует о его оптимистической вере в грядущее торжество народа. Всеми ее величавыми образами Некрасов убеждает читателя, что как бы ни была в ту пору мучительна крестьянская жизнь, сами крестьяне так мужественны, так богаты огромными духовными силами, что нет на свете такого врага, которого не могли бы они сокрушить в борьбе за свое всенародное счастье.

В поэме выведены муж и жена — Прокл и Дарья, крепко сплоченные крестьянским трудом. В лице Дарьи поэт воспекает суро-

вую, могучую и прекрасную славянскую женщину:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц...

Прокл, ее муж, ей подстать: он так же силен, величав и красив:

Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел...

Нерасторжим их семейный союз, основанный на общей работе и дружбе. Привязанность Дарьи к мужу, ее застенчивая, поэтическая нежность к нему выражена в этой поэме с горячий и тонкой лиричностью:

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Вообще вся вторая часть этой великой поэмы открывает читателю такую душевную красоту русской женщины, какая до Некрасова еще никогда не изображалась ни в стихах, ни в романах из русского народного быта.

В тех главах, где появляются крестьянские дети (гл. XXXIII и XXXIV), чувствуется благодушная улыбка Некрасова. Эти главы представляют собой самые радостные страницы поэмы. Здесь показаны те задушевные отношения к детям, какие свойственны русской крестьянской семье.

Замечательно, что в эту поэму, равно как и в поэму «Кому на Руси жить хорошо» (которую Некрасов начал писать в том же 1863 году), он вводит сказочные образы, подсказанные ему русским фольклором. В одной поэме — скатерть-самобранка и волшебная птица в другой — знаменитый Мороз-воевода. Это не мешает обоим поэмам быть величайшими образцами реалистического искусства. Но, конечно, реализм Некрасова — не в рабском копировании мелких подробностей быта, а в широко обобщенных, синтетических образах, причем каждый образ воссоздается с такой страстной любовью, что эта любовь, естествен-

но, передается читателю. Эту особенность не-красовского реализма верно выразил сын декабриста Михаил Волконский, написавший Некрасову тотчас же после появления поэмы:

«Сейчас я прочел Ваш «Мороз». Он про-брал меня до костей — и не холодом, а до глубины души тем теплым чувством, которым пропитано это прекрасное произведение. Ни-что, до сих пор мною читанное, не потрясло меня так сильно и глубоко, как Ваш рассказ, в котором нет ни одного слова лишнего: каж-дое так и бьет вас по сердцу. Все это как нельзя более знакомо и близко мне, до 25-лет-него возраста то и дело переезжавшему из деревни в деревню, от одного мужика к дру-гому. Художественность же, с которой изло-жен Ваш рассказ, а главное, теплота чувства, которым он дышит, просто перевернули меня. Дайте мне возможность поделиться им с моим отцом, доказавшим на деле, как он любит русского мужика. Пришлите мне один экзем-пляр, а я тотчас же отправлю его в письме моему отцу в Италию. Он скажет Вам за него в душе самое искреннее русское спасибо».

Конечно, радостными картинками Некрасов отнюдь не зачеркивал своих скорбных песен об убожестве тогдашней деревни. Вскоре после появления поэмы «Мороз, Красный нос» критик писаревского лагеря Варфоломей Зай-цев указал в одной из своих журнальных статей, что все радостное, о чем повествуется в этой поэме, при-снилось замерзающей женщине и никогда не бывало на свете.

Но по убеждению поэта, о кото-ром он заявлял много раз, русский на-род, несмотря на тысячелетнее рабство, со-хранил то светлое и глубоко человеческое отношение к миру, которое так поэтически выразилось в предсмертных воспоминаниях Дарьи.

Сестра поэта, Анна Алексеевна Буткевич (1823—1882), которой посвящена поэма «Мо-роз, Красный нос», всю жизнь была в дру-жеских отношениях с братом.

Незадолго до смерти он писал ей:

«Моя усталая, больная голова привыкла на тебе, на тебе единственно во всем мире, оста-навливаться с мыслью о бескорыстном уча-стии».

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Добролюбов говорил в своих стихах от имени борца за свободу:

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Этот-то призыв Добролюбова к героической смерти за идеалы революционной демократии внушил Некрасову знаменитые строки:

Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Добролюбов умер на руках у Некрасова от скоротечной чахотки. Некрасов горячо любил его. Смерть Добролюбова была для поэта большим горем.

Один из сотрудников журнала «Современник» в своих воспоминаниях рассказывает, как горько рыдал Некрасов у постели умиравшего друга. В тот же день поэт сказал об умершем Добролюбове: «Какой светильник разума угас!» Эти слова повторены поэтом и в стихотворении «Памяти Добролюбова».

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Здесь описывается постройка железнодорожного пути из Петербурга в Москву в царствование Николая I. Строили его, не щадя ни здоровья, ни жизни рабочих: рабочие гибли тысячами в сырых и холодных землянках. За каторжную земляную работу им платили по три рубля в месяц; у них не было ни одежды, ни обуви. Приказчики обсчитывали их на каждом шагу, а когда они выражали недовольство голодным казенным пайком, их наказывали плетью. Доведенные до крайнего отчаяния, рабочие то и дело убегали на родину, но их ловили и приводили назад.

Руководил постройкой этой железной дороги главноуправляющий путями сообщения граф Клейнмихель, человек жестокий и грубый, достойный ученик Аракчеева.

«БЕЛИНСКИЙ БЫЛ ОСОБЕННО ЛЮБИМ...»

(См. примечание к стихотворению «Памяти Белинского», стр. 242.)

«УМРУ Я СКОРО. ЖАЛКОЕ НАСЛЕДСТВО...»

Стихотворение является ответом на укоризненное анонимное послание, полученное Некрасовым 4 марта 1866 года и подписанное «Неизвестный друг».

Незадолго перед смертью, готовя новое издание своих стихотворений, Некрасов написал на полях возле слов «Неизвестному другу»: «Не выдуманный друг, но точно не известный мне... Где-нибудь в бумагах найдете эту пьесу, превосходную по стику. Ее следует поместить в примечании».

Вот эти стихи:

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ...

Н. А. Некрасову

Мне говорят: твой чудный голос — ложь,
Прельщаешь ты притворною слезою
И словом лишь толпу к добру влечешь,
А сам как змей, смеешься над толпою,
Но их речам меня не убедить:
Иное мне твой взгляд сказал невольно;
Поверить им мне было б горько, больно...
Не может быть!

Мне говорят, что ты душой суров.
Что лишь в словах твоих есть чувства пламени,
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно, как камень!
Но отчего ж весь мир сильнее любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И в них обман, а не душа живая?!
Не может быть!

Но если прав ужасный приговор?..
Скажи же мне, наш гений, гордость наша:
Ужель сулит потомства строгий взор
За дело здесь тебе проклятья чашу?
Ужель толпе дано тебя язвить,
Когда весь свет твоей дивится славе,
И мы сказать в лицо молве не вправе —
Не может быть!

Скажи, скажи, ужель клеймо стыда
Ты положил над жизнью своею?
Твои слова и я приму тогда
И с верою расстануся моею.

Но нет! И им ее не истребить!
В твои глаза смотря с немим волненьем,
Я повторю с глубоким убежденьем:
Не может быть!

В. И. Ленин цитировал стихотворение «Умру я скоро...», чтобы показать, что либералы-кадеты напрасно «хватаются за фалды Некрасова».

«Некрасов — говорил Ленин, — по [...] личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них:

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...

«Неверный звук» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи» (В. И. Ленин, «Еще один поход на демократию», Собрание сочинений, изд. 3-е, т. XVI, стр. 132—133).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

Некрасов написал много стихов для детей. Он — величайший из наших детских поэтов. Его «Генерал Топтыгин», «Дядюшка Яков», «Школьник», «Мужичок с ноготок» навсегда останутся для нас образцами поэзии, обращенной к малолетним читателям. Все эти стихи — из деревенского быта. Поэт считал необходимым знакомить городских детей с жизнью крестьян.

НЕ РЫДАЯ ТАК БЕЗУМНО НАД НИМ...

Стихотворение вызвано смертью знаменитого критика-демократа Д. И. Писарева, утонувшего в Балтийском море (в 1868 году). Писареву в то время было 28 лет.

«ДУШНО! БЕЗ СЧАСТЬЯ И ВОЛИ...»

В этом стихотворении выражен страстный призыв к революции, которому Некрасов с замечательным искусством придал «цензурную» форму. Чтобы обмануть цензоров он озаглавил свое стихотворение: «Из Гейне». Но перед смертью зачеркнул заглавие и написал карандашом на полях: «Собственное».

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Княгиня М. Н. Волконская

В 1826 году декабристы были сосланы в Сибирь, на каторжные работы. Вскоре к ним поехали их жены: Муравьева, Трубецкая, Нарышкина, Розен, Волконская, Анненкова, Ентальцева, Юшневская и др. Большинство из них были светскими женщинами, привыкшими к роскоши. Они добровольно отреклись от богатства и почестей, чтобы разделить со своими мужьями тяжкую жизнь на каторге, хотя закон освобождал их от брака с «преступниками». Николай I, опасаясь, что их подвиг усилит в русском обществе сочувствие к сосланным, принял суровые меры, дабы помешать их намерению. В пути их обыскивали, на станциях им не давали лошадей, им угрожали всякими ужасами, в Иркутске заставили их подписать отречение от всех дворянских прав.

В жизни революционеров семидесятых-восьмидесятых годов эта поэма, прославляющая декабристов и их героических жен, сыграла огромную роль. Приводим несколько отрывков из статьи известной революционерки Веры Фигнер:

«Император Николай I, — говорит в этой статье Вера Фигнер, — употребил всю жестокую изобретательность своих слуг, чтобы всевозможными ограничениями если не задержать в России, то связать по рукам и ногам женщин, пожелавших следовать за мужьями в Сибирь, и отравил жизнь тем, кого неизменно называл «невинными» женами декабристов. Кроткие увещания, жестокие угрозы и преувеличение будущих опасностей и бед — все было использовано как в России, так и на пути в Сибирь, чтобы за-

пугать неопытных и заставить отказаться их от своих намерений.

Николай отнял у «невинных» все имущественные и наследственные права, все титулы и звания и низвел обездоленных на прожиточный минимум, ежемесячный отчет в котором они должны были представлять местному начальству. Эта сумма, которую они могли ежемесячно расходовать на себя, была так ничтожна, что держала Волконскую и Трубецкую на границе нищеты. Чтобы улучшить пищу заключенных на Благодатском руднике, они должны были сокращать собственное питание и отменить свои ужины, а Трубецкая одно время питалась исключительно черным хлебом и квасом. Эта избалованная княгиня ходила в истрепанных башмаках и отморозила себе ноги, потому что свои теплые башмаки она употребила на шапочку для одного из товарищей мужа, чтобы предохранить его голову от обломков горной породы, падавших в руднике при каждом ударе молота.

...Император отнял у «невинных» их детей, запретив брать их с собой в Сибирь. Двадцатилетняя мать Волконская, всего год назад вышедшая замуж, вынуждена была покинуть своего первенца-сына, который вскоре умер. Трубецкая оставила в России двух дочерей и сына; сын умер, а дочери на всю жизнь потеряли здоровье. Баронесса Розен, не успевшая пробыть замужем и года, могла вырваться к мужу только благодаря сестре, которая взяла ее младенца. Анненкова оставила свою дочь. Юшневской пришлось сделать то же самое. Фонвизина уехала, поручив двух сыновей своей матери; неразумная бабушка избаловала мальчиков и сделала их не пригодными к жизни людьми. Давыдова, имевшая пять человек детей, была вынуждена развести их и разместить по своим родным.

...Император осудил «невинных» жен на вечную разлуку и с родителями: последние не имели права когда-нибудь посетить Сибирь для свидания с дочерьми.

Он отнял у «невинных» и родину, лишив их — невпример женам уголовных — права возвращения в Россию. Даже после смерти

мужей они должны были оставаться в Сибири...

Удивительно ли, что суровый отец Волконской, герой войны 1812 года, Раевский, который при решении дочери следовать за мужем в Сибирь, сказав кулаки над головой ее, кричал: «Я прокляну тебя!..», на смертном одре своем, умирая в разлуке с ней, сказал: «Это самая удивительная женщина, которую я когда-либо знал». Да, он мог и должен был сказать это, потому что, кроме всего, что должны были преодолеть другие, дочь его должна была преодолеть сопротивление в своей собственной семье: гнев отца и гнусные интриги брата Александра, который перехватывал ее письма, устранял встречи с родными мужа, скрывал известия о нем, не сообщал о ходе дела и даже самую весть о приговоре задерживал, насколько это было возможно. Узнав, наконец, что муж приговорен к каторжным работам на двадцать лет, Волконская с молодой решимостью поврала все опутывавшие ее тенета и первая после Трубецкой полетела в Сибирь.

...От начала до конца они были всегда верны себе. Они проявили твердую волю и смелую решимость идти неуклонно к намеченной цели, неуспяющую энергию и действительную любовь. Разве не они раскрыли перед нашими передовыми писателями качества, которые они называли «доблестью русской женщины»? И после них разве не эти качества русская женщина целыми десятилетиями должна была вносить в наше многострадальное революционное движение?» (*Вера Фигнер. «Жены декабристов»*).

Одна из «декабристок», Мария Волконская, оставила детям и внукам «Записки», где подробно изобразила свое путешествие к мужу на каторгу. Ее сын прочитал эти «Записки» Некрасову.

«Вспоминаю, — сообщает Волконский, — как при этом Николай Алексеевич по несколько раз в вечер вскакивал и со словами: «довольно, не могу», бежал к камину садился к нему и, хватаясь руками за голову, плакал, как ребенок. Тут я видел, насколько наш поэт жил нервами и какое место они должны были занимать в его творчестве».

Эти подлинные «Записки» Волконской и легли в основу некрасовской поэмы «Княгиня М. Н. Волконская».

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» писалась Некрасовым в течение четырнадцати лет. Смерть помешала поэту закончить ее. Он предполагал, что в ней будет семь или восемь частей, но успел написать лишь четыре: «Часть первая» (без заглавия), «Крестьянка», «Последыш», «Пир на весь мир».

«Часть первая» написана Некрасовым вскоре после так называемого «освобождения» крестьян. Как известно, Некрасов считал эту реформу «чистым обманом», «издевательством над крестьянами». В своей поэме он хотел показать, что и в новой, якобы раскрепощенной России крестьяне попрежнему остались несчастными и что пресловутая «воля» не принесла им никакого облегчения.

Большинство изображаемых в этой поэме крестьян отличаются долготерпением и кроткой пассивностью. Эти свойства были ненавистны Некрасову, и он создал в своей поэме титанический образ Савелия, богатыря свято-русского, самоотверженно восставшего против своих угнетателей. Несмотря на все цензурные стеснения, поэту удалось возвеличить этого народного борца за «мужицкое счастье».

В «Прологе» немало фольклорных мотивов. Действие «Пролога» развивается по традиционной сказочной схеме: волшебная птица дает герою волшебный предмет, помогающий осуществить задуманное предприятие. В данном случае это скатерть-самобранка, которая встречается во многих народных сказках.

Подробнее о поэме «Кому на Руси жить хорошо» — смотри предисловие к настоящей книге, стр. 16—20.

БАЮШКИ - БАЮ

Написано Некрасовым во время его неизлечимой предсмертной болезни.

ЗИНЕ

Зина — жена Некрасова. Настоящее ее имя было Фекла Онисимовна Викторова. Поэт очень любил ее. 12 февраля 1874 года он подарил ей книгу своих стихов с надписью: «Милому и единственному моему другу Зине». Ей же посвятил он свое стихотворение «Дедушка». Когда он заболел, она так самоотверженно ухаживала за ним, что, как свидетельствует один современник, «по истечении этих двухсот дней и ночей из молодой, беленькой и краснощекой женщины превратилась в старуху, с желтым лицом, и такой осталась».

Корней Чуковский

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Баюшки-баю	237	Колыбельная песня	32
«Белинский был особенно любим...» (из «Медвежьей охоты»)	128	Кому на Руси жить хорошо (отрывки из поэмы)	161
В дороге	29	Коробейники	90
«Внимая ужасам войны...»	59	Крестьянские дети	82
«В полном разгаре страда деревен- ская...»	105	Мороз, Красный нос	108
«Вчерашний день, часу в шестом...»	42	Муза	43
Генерал Топтыгин	132	Музе	237
Городская кляча (из поэмы «О погоде»)	71	На Волге (Детство Валежникова)	73
Дедушка Мазай и зайцы	135	На родине	57
Дума	80	«Надрывается сердце от муки...»	104
«Душно! без счастья и воли...»	135	«Не рыдай так безумно над ним...»	134
Дядюшка Яков	130	Несжатая полоса	46
Железная дорога	126	Нравственный человек	41
Забятая деревня	58	«О Муза! я у двери гроба!..»	238
«Замолкли, Муза мести и печали!..»	59	Орина, мать солдатская	106
Зеленый шум	103	Памяти Белинского	45
Зине («Ты еще на жизнь имеешь пра- во...»)	237	Памяти Добролюбова	125
Калистрат	105	Перед дождем	40
Княгиня М. Н. Волконская	139	Песня Еремушке	70
		Петербургское утро (из поэмы «Несчаст- ные»)	65
		Плач детей	81
		Поэт и гражданин	61

«Праздник жизни — молодости годы...» . . .	47
Псовая охота.	36
Пчелы	131
Размышления у парадного подъезда	67
Родина.	34
Русские женщины. Княгиня М. Н. Вол- конская	139
Рыцарь на час	77
Саша	48
Свобода	102
Сеятелям.	236
Современная ода	30
Соловьи	137
С работы.	134

«Стихи мои! Свидетели живые...»	66
Стихотворения, посвященные русским детям	130
Стихотворения, посвященные русским детям	135
Тройка	33
«Умру я скоро. Жалкое наследство...» . . .	129
Чернышевский (Пророк)	160
«Что ни год — уменьшаются силы...» . . .	81
Школьник	60
Элегия.	159
«Я за то глубоко презираю себя...»	31

СОДЕРЖАНИЕ

«Некрасов». Вступительная статья Кор- нея Чуковского	5
---	---

1845

В дороге	29
Современная ода	30
«Я за то глубоко презираю себя...»	31
Колыбельная песня	32

1846

Тройка	33
Родина	34
Псовая охота	36
Перед дождем	40

1847

Нравственный человек	41
--------------------------------	----

1848

«Вчерашний день, часу в шестом...»	42
--	----

1851

Муза	43
----------------	----

1853

Памяти Белинского	45
-----------------------------	----

1854

Нескаята полоса	46
---------------------------	----

1855

«Праздник жизни — молодости годы...» . .	47
Саша	48
На родине	57
Забывшая деревня	58
«Замолкни, Муза мести и печали!..»	59
«Внимая ужасам войны...»	—

1856

Школьник	60
Поэт и гражданин	61
Петербургское утро (из поэмы «Несчаст- ные»).	65

1858

«Стихи мои! Свидетели живые...»	66
Размышления у парадного подъезда	67
Песня Еремушке	70

1859

Городская кляча (из поэмы «О погоде»). . .	71
--	----

1860

На Волге (Детство Валежникова)	73
Рыцарь на час	77
Дума	80
Плач детей	81

1861

«Что ни год — уменьшаются силы...» . . .	81
Крестьянские дети	82
Коробейники	90
Свобода	102

1862

Зеленый шум.	103
«Надрывается сердце от муки...»	104

1863

«В полном разгаре страда деревенская...» .	105
Калистрат	—
Орина, мать солдатская.	106
Мороз, Красный нос	108

1864

Памяти Добролюбова	125
Железная дорога	126

1867

«Белинский был особенно любим...» (из «Медвежьей охоты»)	128
«Умру я скоро. Жалкое наследство...» . .	129
Стихотворения, посвященные русским детям:	
I. Дядюшка Яков	130
II. Пчелы	131
III. Генерал Топтыгин	132
С работы.	134

1868

«Не рыдай так безумно над ним...»	134
«Душно! без счастья и воли...»	135

1870

Стихотворения, посвященные русским детям:	
I. Дедушка Мазай и зайцы	135
II. Соловьи	137

1872

Русские женщины. Княгиня М. Н. Вол- конская	139
--	-----

1874

Элегия.	159
Н. Г. Чернышевский (Пророк)	160

1863—1877

Кому на Руси жить хорошо (отрывки из поэмы)	161
--	-----

1876—1877

Сеятелям	236
Музе.	237
Зине («Ты еще на жизнь имеешь пра- во...»	—
Баюшки-баю	—
«О Муза! я у двери гроба!..»	238
Примечания	241
Алфавитный указатель	251

*Переплет, форзац, шмуцтитутлы,
буквицы и орнаментация*

С. Т Е Л И Н Г А Т Е Р А

Для средней школы

•

Ответственный редактор *И. Воробьева*.
Художественный редактор *С. Садовская*.
Технический редактор *Р. Кравцова*.
Корректоры *Ю. Носова* и *Е. Труниковская*.

•

Подписано к печати 4/XII 1948 г. 32 печ. л.
+ 16 вклеек (22,56 уч.-изд. л.) А 10948.

•

Отпечатано в тип. М-304 и М-134 с матриц
фабрики „Детская книга“. Москва

